

Алиева-Мамедова Гюнель Садагат кызы

**Отношения Турции и США в
условиях нового миропорядка
(1991-2007 г.г.)**

Баку – 2016

Материалы монографии могут быть использованы в учебных целях, в разработках материалов по мировой политике, внешнеполитическим связям Турции и США.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	
Глава I. Политическое и военное сотрудничество между Турцией и США	
1.1. Атлантическая стратегия Турции. Особенности турецко-американских политических связей.....	
1.2. Военно-техническое сотрудничество Турции и США	
Глава II. Региональные проблемы турецко-американских отношений	
2.1. Ближневосточный регион в турецко-американских отношениях	
2.2. Место Кавказского региона в турецко-американских отношениях	
2.3. Центральная Азия в политике Турции и США.....	
2.4. Европейская политика Турции и США.....	
Глава III. Торгово-экономические связи Турции и США	
3.1. Турция в контексте мировой экономики (особенности и перспективы экономического развития)	
3.2. Развитие турецко-американских экономических и торговых связей в условиях глобализации.....	
Заключение	
Список использованной литературы	
Список сокращений	

ВВЕДЕНИЕ

Распад СССР, Организации стран Варшавского Договора, окончание «холодной войны», процессы глобализации, события 11 сентября 2001 года, война в Ираке привели к изменению позиций и роли в мире, либо в регионе целого ряда стран, стремящихся определить свою «нишу» в складывающейся системе миропорядка.

Сегодня наблюдается тенденция движения мирового сообщества, включая Турцию, к однополюсному миропорядку при определяющем доминировании США, которые практически контролируют все основные международные политические и финансовые организации. Являясь ведущей политической, экономической и военной державой мира, Соединенные Штаты Америки стремятся сохранить и упрочить своё глобальное лидерство в долгосрочной перспективе, осознавая наряду с этим растущее значение региональных государств, в том числе Турции.

Турецко-американские отношения в послевоенный период (1945-1949 г.г.) приобрели характер тесного военно-политического и экономического партнёрства. Развиваясь на протяжении длительного периода времени аритмично, эти связи прошли сложный путь становления от зависимости и партнёрства к взаимозависимости в 80-ые г.г. XX века и особенно 90-ые г.г. XX века. Турция, постепенно используя противостояние между двумя сверхдержавами (СССР – США) в годы «холодной войны», смогла не только получить пространство политических маневров (90-ые г.г. XX века), но и существенно расширить своё влияние в отношениях со своим партнёром (США), трансформируясь к концу прошлого века во влиятельную региональную державу.

До событий 11 сентября 2001 года с уверенностью можно было говорить лишь о некоторых противоречиях в турецко-американских отношениях. Однако, террористические события 11 сентября 2001 года, военные действия в Ираке, приход к власти в Турции кабинета Р.Т.Эрдогана (ныне президент Турецкой Республики) внесли корректировку в развитие отношений между Турцией и США. События последних лет показывают, что отношения между Турцией и США, анализируемые в данной монографии, становятся всё более затруднительными. Анализ вышеназванных реалий и тенденций мирового развития с ключевой ролью в них Соединенных Штатов Америки делают особо важной необходимость изучения стратегии США применительно к другим внешним факторам мира.

Турция является близким и влиятельным соседом Азербайджана, выступает активным партнёром в совместных проектах и участвует в межправительственных начинаниях, в связи с вышеизложенным, исследуя отношения Турции и США, нельзя не отметить факта их возрастающего влияния на внешнюю политику Азербайджана. Интенсивное проникновение на азербайджанский рынок турецких товаров, деловая активность турецких предпринимателей, политическое партнёрство во многих вопросах регионального и международного характера, совместное участие в строительстве трубопровода Баку-Тбилиси-Джейхан – все эти и многие другие обстоятельства делают Турцию объектом растущего внимания общественности Азербайджана.

ГЛАВА I.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ВОЕННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ ТУРЦИЕЙ И США

1.1. Атлантическая стратегия Турции. Особенности турецко-американских политических связей

Внешняя политика каждого государства в большей мере зависит от геополитики.¹ Постоянный фундамент геополитики изменить невозможно: сам метод покоится на этом противопоставлении, и отказ от него равнозначен отбрасыванию геополитики как таковой. Геополитика в её постоянной части рассматривает и отслеживает хронику борьбы атлантизма и евразийства. Но вне территорий этих двух антагонистов лежит «третья зона» - береговая территория. В рамках современной политической географии эта «береговая зона» протянулась по берегу всего евразийского материка, куда входит и территория нынешней Турции. Баланс требует постоянных инвестиций в ту или иную сторону, а политические процессы всегда учитывают притяжения геополитических полюсов, а, следовательно, любой выбор, сделанный в конкретный исторический момент, требует позже нового подтверждения.

Место Турции в глобальном геополитическом контексте можно определить следующим образом: мощная региональная держава «береговой зоны» пребывает в перманентном геополитическом выборе. Фундаментальной аксиомой геополитики является факт принадлежности Турции к «береговой зоне». Этот факт исторически возник в ходе истории всего XIX века, на заре которого Османская империя была ещё чем-то совершенно иным, самостоятельным сухопутным анклавом, хотя – как и континентальная Европа – также испытывала на себе два противоположных вектора – со стороны Великобритании (атлантизм) и Российской империи (евразийство). Однако в эпоху империй контуры окончательной геополитической картины были туманны, и понадобились столетия, чтобы эти прогнозы совпали с политической картой мира: с одной стороны Соединённые Штаты Америки, с другой стороны Евразия.

Как бы то ни было, большинство исследователей считает, что сегодня Турция принадлежит к «береговой зоне», а следовательно, геополитическая теорема турецкой политики в глобальном масштабе решается через баланс и противостояние двух ориентаций – атлантической и евразийской.

Турция со времён М.К.Ататюрка обладает мощным национальным самосознанием, воспринимает свою государственность как колоссальную ценность и стремится «играть в региональном контексте самостоятельную и сильную партию». Следовательно, исторические инвестиции в геополитический выбор, баланс между силовыми линиями атлантизма и евразийства в Турции огромны, и представляют собой важнейший политический процесс, определяющий во многом курс национального пути на каждом историческом этапе.

¹ Геополитика – методология и форма анализа международных отношений.

История становления современной Турции после распада Османской империи демонстрирует симметричные волны смены ориентаций. Изначально зажата между Россией и Англией Турция осознавала себя ближе всего к Средней Европе, конкретно к Германии и смотрела на неё «как на своё европейское alter ego». Турция была естественной опорой континентальной Европы (до середины XIX века – Германии) на Ближнем Востоке, и наоборот, Германия тоже органично выражала и защищала интересы Турции в Европе. Это тоже закон геополитики.

Настоящий же выбор начинается в ином контексте: это – фундаментальный выбор между атлантизмом и евразийством. Ататюрк строил новую Турцию на жёстком противостоянии атлантистскому проекту. Этот выбор геополитически является евразийским.

После окончания Второй Мировой войны региональная политика Турции начала проистекать из баланса между ориентацией на США и НАТО и стремлением сохранить свою национальную самобытность и региональную независимость. Внешнеполитический курс страны в значительной мере начали определять обязательства турецкого государства в качестве члена различных региональных организаций, блоков и т.п. Турецкая республика после окончания Второй Мировой войны стала членом следующих влиятельных международных организаций: ООН – с 1945 года (страна-учредитель), МВФ – с 1947 года, Совет Европы – с 1949 года, НАТО – с 1952 года, ОЭСР – с 1960 года, ЕС (статус ассоциированного члена – с 1963 года, статус кандидата в члены ЕС – с 1999 года), Организация Черноморского экономического сотрудничества – с 1992 года.

Итак, усилению атлантизма во внешней политике Турции способствовала и успешная дипломатическая тактика Лондона и Вашингтона, а также «недалековидная политика Сталина, который после территориальных успехов в Восточной Европе, считал, что самым надёжным способом справиться с «береговой зоной», это – просто завоевать её». Кроме того, СССР стал активно поддерживать ряд исламских (арабских) государств, региональных соперников Турции, а Запад предлагал гарантию и защиту в обмен на присоединение к атлантической стратегии. В этой геополитической фазе Турция сделала атлантический выбор и стала строить свою политику на антисоветизме. В вопросе Северного Кипра СССР занимал жёстко прогрессивную позицию, поддерживал курдов, арабские баасистские страны против Израиля, что ещё более усилило интеграцию Анкары в сторону атлантизма. Но при всем этом Турция оставалась самобытным государством.

Со стороны США также были свои выгоды: светское правление Турции сдерживало рост исламского фактора, а жёсткий антикоммунизм Анкары делал Турцию потенциальным противником СССР. Исторические противоречия между турками и арабами Османской империи ставили Анкару в особое положение в отношении стран ближневосточного региона, что диктовало, в частности, сближение с Израилем. США необходимо было выработать механизм влияния на государство, имеющее стратегическое географическое положение, контроль над которым позволит оказывать ключевое влияние на Ближний и Средний Восток. Кроме того, американским политикам необходимо было учитывать комплекс обстоятельств, который ка-

чественно выделял Турецкую Республику. При этом под внешнеполитической стратегией США в отношении Турции понимается деятельность государства, направленного на включение турецкого государства «в процессе формирования выгодной модели международных отношений», включающую постановку долговременных целей и долгосрочного планирования с учётом соотношения и применения в пространстве, и во времени необходимых ресурсов.

Поскольку внешнеполитическая стратегия осуществляется в отношении оформленных пространственных единиц, важнейшей её составляющей является геостратегическое измерение, связанное с достижением, поддержанием и увеличением могущества за счёт обладания наиболее благоприятным пространственным положением (или контроля), с помощью военных и невоенных средств.

После Второй Мировой войны акцент в распространении влияния держав на географические пространства постепенно смещался от использования «жёсткой силы» к воздействию факторами «мягкой силы»: политическому, экономическому и культурному влиянию. Для обеспечения реализации внешнеполитической стратегии в отношении объекта необходимо было обеспечение внутренних и внешних условий. Внутренние факторы:

- готовность и способность руководства государства занять проамериканскую позицию;
- характер, идеология и политическая психология руководства объекта геостратегии;
- степень консолидации руководства и прочность и его позиций внутри страны;
- способность руководства влиять на оппозицию и влиятельные внутриполитические группы, в том числе для нейтрализации первой;
- внутренняя социально-психологическая атмосфера в стране;
- Внешними факторами для формирования и реализации американской внешнеполитической стратегии по отношению к Турции были:
 - исторические традиции и установки поведения государства на международной арене (конфликтность, имперские традиции, лавирование);
 - существующий уровень межгосударственной и межнациональной враждебности;
 - существование гарантий безопасности со стороны более сильного государства.

По определению З.Бжезинского, «активными геостратегическими действующими лицами являются государства, которые обладают способностью и национальной волей осуществлять власть или оказывать влияние за пределами своих границ, с тем, чтобы изменить – до степени, когда это отражается на интересах Америки, - существующее геополитическое положение». Исходя из поставленной парадигмы, Ту-

реция соединяла две указанные характеристики за счёт поддержки Западом её военно-технического и экономического потенциала.

Реализация внешнеполитической стратегии в отношении Турецкой Республики позволила США выходить на более высокий уровень масштаба её реализации – региональный, т.е. влияние на данную пространственную единицу, занимающую ключевое географическое положение, что позволяло «удешевить» расходы субъекта – т.е. США для формирования более масштабной благоприятной геополитической среды. Внешнеполитическая стратегия США в отношении Турции включила в себя комбинацию военных и невоенных факторов.

Военным аспектом, способствующим учёту в политике Турции американских интересов, стало тесное сотрудничество в военно-технической области, что было гармонично дополнено вхождением государства в Североатлантический альянс, размещением на ее территории ряда военных баз. Наряду с тем, что армия всегда являлась ключевым элементом турецкого традиционного общества, она, одновременно, представляла собой наиболее вестернизированную его часть.

После военных переворотов 1960, 1971, 1980¹ г.г. каждый раз закреплялась большая интегрированность военных в политическую жизнь государства и укрепление вертикали исполнительной власти. До сих пор военные расходы Турции составляли значительную часть бюджета, что ставило государство в состояние постоянной необходимости внешних заимствований для их покрытия. Таким образом, созданная ситуация технической и финансовой зависимости государства от своего союзника – США являлась важным фактором турецко-американского сотрудничества.

В целом, военные ещё с 1930-х годов смотрели на себя как на гаранта внутренней стабильности и территориальной целостности страны, стражу идеологического наследия Ататюрка и воплощение воли турецкой нации. Поэтому в турецкой политической системе долго господствовала непривычная для западных стран иерархия: армия избавлена от политического контроля, а политическая власть подконтрольна надзору военных.

Однако поправки, принятые на конституционном референдуме 12 сентября 2010 года, серьёзно поколебали привычный порядок вещей. По новому закону люди в погонах попадают под юрисдикцию гражданских судов, особенно если их подозревают в «подрыве национальной безопасности». Полномочия военных судов, существенно урезаются.

Вторым ключевым невоенным фактором, тесно связанным с первым, является экономическая модель государства. Экономика Турции, построенная на западных займах, развивается по рекомендациям МВФ и нуждается в постоянных внешних заимствованиях из-за высоких военных расходов, а также технологической зависимости государства.

Третьим ключевым элементом американской внешнеполитической стратегии в отношении Турции является влияние на формирование политической элиты и, в

¹ В 1997 году произошёл четвёртый «мягкий» военный переворот (авт.)

общем, в культурной сфере через систему высшего образования. Это влияние позволяет формировать небольшую в процентном отношении, но влиятельную часть турецкого социума, которая «поддерживает современный внешнеполитический курс государства, направленный на тесный союз с западными государствами и соблюдение во внутренней политике кемалистского наследия».

Четвёртым элементом для достижения американских геостратегических целей в отношении Турции является моделирование внешнеполитического курса через формирование с участием государства военно-политических блоков. После Второй Мировой войны Турецкая Республика выступала инициатором нескольких военно-политических блоков. Турция является первым мусульманским государством, которое признало Израиль ещё в 1949 году. С военно-политической точки зрения на территории Ближнего и Среднего Востока до 2002 года наиболее удачным являлся альянс Турции и Израиля, который во многом отвечал интересам и США и Турции. Однако, отношения между этими странами при нынешней геополитической ситуации на Ближнем и Среднем Востоке можно считать натянутыми. Основной причиной в «охлаждении» отношений в начале XXI века служит изменение внешнего курса Анкары после прихода к власти в 2002 году «Партии Справедливости и Развития», чей лидер Р.Т.Эрдоган (ныне президент Турции) возглавил турецкое правительство. Хотя правящая партия позиционирует себя как умеренно-исламистская партия, во внешней политике Эрдоган всё больше проводит курс на активное сближение страны с остальным исламским миром, что в свою очередь предопределило изменение политики по отношению к Израилю, особенно в свете последних событий на Ближнем Востоке.

Конечно, во взаимоотношениях Турции и США были определённые периоды кризиса. Даже в периоды самого тесного сближения с Вашингтоном Анкара никогда не вела себя как колония, а являлась партнером Америки, сделавшая в свое время осознанный геополитический выбор. В этом смысле эволюция турецко-американских отношений прошла по циклу: сотрудничество – кризис – трансформация стратегической модели – сотрудничество. В ходе этой эволюции можно проследить следующие этапы:

1) 1945-1974 гг. – со времени окончания Второй Мировой войны и до противоречий по проблемам Кипра. В этот период входит: а) 1945-1948 гг. – период разработки американского курса в отношении Турции и начало предоставления военно-технической помощи; б) 1948-1960 гг., формирование системы двусторонних отношений (экономическое и военное сотрудничество, реализация американского механизма формирования турецкой элиты и участие государства в военно-политических союзах с третьими странами) к кризисным проявлениям, вызванным процессам и последующей вестернизации турецкого общества без видимых усилий по его модернизации; в) 1960-1974 гг. – кризис в турецко-американских отношениях (Кипрские кризисы 1963, 1974 гг. попытки нормализации внутренних факторов американской внешнеполитической стратегической модели через военные перевороты в Турции в 1960- 1970 гг.);

2) 1974-1980 гг. – применение США системы санкций в отношении Турции.

Развитие кризиса и его преодоление;

3) 1980-1991 гг. – от военного переворота в 1980 году и стабилизации взаимоотношений между двумя государствами до распада Ялтинской системы международных отношений;

4) 1991-1997 гг. – момент дезинтеграции второй сверхдержавы – СССР, проявление новой внешнеполитической активности Турции и прихода к власти правительства исламистов – очередной кризис модели американской страновой геостратегии, и её нормализация через военно-политический союз с Израилем и «мягкий» военный переворот в Турции в 1997 году. Этот этап характеризуется кризисом турецко-американских отношений и его преодолением.

5) 1997-2007 гг. – очередное вмешательство военных в политическую жизнь в Турции и отставки правительства. Этот период включает приход к власти политической «Партии Справедливости и Развития» (Adalet ve Kalkınma Partisi), начало военных действий США в Афганистане и Ираке и роли Турции в этих кампаниях, стремления США добиться диверсификации экспорта углеводородных ресурсов региона и планов по реализации проекта «Большой Ближний Восток» через Турецкую Республику.

За короткий исторический промежуток времени во второй половине 80-х и 90-х годов XX века произошли грандиозные политические, идеологические, экономические и социальные перемены, которые потрясли самую большую страну мира и коренным образом изменили весь миропорядок.

Есть множество трактовок причин распада СССР, но не все они в той или иной мере находятся между двумя полярными позициями. Одни считают, что крушение СССР - результат поражения в «холодной» войне, сознательное устранение идеологического и геополитического конкурента внешними силами. Другие считают, что распад СССР – это закономерный и неизбежный процесс, заложенный в саму систему Советского Союза. В основе распада лежал системный кризис, характеризовавшийся разрушением целостности экономики, потерей управляемости и нарушением взаимодействия экономической, социальной и политической систем. Многолетняя гонка вооружений, военная, военно-техническая, экономическая помощь государствам Варшавского Договора и режимам так называемой социалистической ориентации, поддержка разного рода национально-освободительных и коммунистических движений, 10-летняя война в Афганистане, унёсшая тысячи молодых жизней и стоившая многие миллиарды рублей, истощили советскую экономику

Таким образом, крах Советского Союза резко дисбалансировал общую ситуацию, в мировой геополитике появились новые и невиданные ранее явления. По сути, изменились роли и функции основных участников «Большой Политики». Крах СССР и «капитуляция Москвы перед атлантизмом» создали предпосылки для новой реальности «однополярного мира». Это повлекло за собой серьёзные последствия.

Во-первых, сам Запад, достаточно монолитный в эпоху биополяризма, довольно быстро разделился на два обособленных полюса – Соединенные Штаты и Европу. Линия виртуальной границы, намеченная по Атлантике, стала превращаться в

реальность, вместо единого Запада возникли два геополитических субъекта: Америка и Европа, со своими собственными геополитическими интересами, проблемами, перспективами, проектами будущего мироустройства. Отныне понятие «Запад» перестало быть точным – и в вопросе Евросоюза, и в отношении блока НАТО, и применительно к системе ВТО – возникли довольно серьёзные альтернативы. Европа реализовала собственную валюту, вступила «в нешуточную торговую конкуренцию с США», отстранилась от военных проектов англо-саксонской коалиции, которая в разных точках мира – в частности в Ираке – предпочитала действовать отныне самостоятельно.

У Европы появились наброски собственной геополитической линии, собственной стратегии в отношении региональных проблем – в частности, в отношении арабского мира и ближневосточного региона.

Во-вторых, новое значение приобрёл фактор исламизма, «фундаментального ислама». Будучи, созданным при поддержке ЦРУ для противодействия просоветским, пронационалистическим режимам в арабском мире (Ирак, Сирия, Ливия и т.д.) и в среде континентального ислама (Афганистан), «радикальный ислам» после краха СССР изменил свою геополитическую функцию. Отныне «радикальный ислам» был не инструментом «атлантической геополитики», но экстерриториальным антагонистом, война с которым, по мнению американских стратегов, «должна оправдать претензии США на стратегический контроль над ключевыми точками планеты», вплоть до присвоенного США права вмешиваться в дела тех государств, чья политика будет угрожать американским интересам в регионе: доктрина «ограниченного суверенитета», принятая Вашингтоном в 2002 году. «Исламизм» или «исламский фундаментализм» стал субститутутом исчезнувшей «империи зла». Хотя эксперты не устают объяснять разницу между «исламом» и «исламизмом», широкие массы такие нюансы воспринимают с трудом. В объявленной Самуилом Хантингтоном «столкновении цивилизаций» исламский мир явно оказался по ту сторону баррикад от США.

В третьих, в данном контексте однополярного мира как раз и встал впервые вопрос о Евразии в новом понимании. Евразия стала самостоятельным геополитическим концептом, постепенно «становящейся всё более и более весомым фактором новейшей картины мира».

В четвёртых, в мире стали набирать силу процессы глобализации. Она затронула информационную сферу, элиту, процессы финансового сектора экономики (фондовые рынки), пользователей сети Интернет. Причём моделью глобализации стали по сути именно американские ценности, распространённые на весь мир – либеральная демократия, культура постмодерна, преобладание финансового сектора над реальным сектором экономики и т.д. По сути «глобализация совпала с американизацией».

Все эти новейшие изменения в геополитической картине мира нашли своё отражение и на турецко-американских отношениях. Естественно, эти процессы в огромной степени затронули Турцию, её геополитическую позицию в масштабе ре-

гиональной и мировой политики. Но мы против таких высказываний, имевших место в политической литературе, будто «раз СССР и Россия перестали быть главным врагом атлантизма (по меньшей мере в открытой части внешней политики США), то антироссийская функция Турции на Кавказе, в Центральной Азии и на самой российской территории потеряла свою актуальность».

Начнём с того, что после разрешения конфликта между Востоком и Западом, Турция сохранила своё стратегическое значение для США, хотя роль её изменилась. Это впервые стало очевидным во время войны в Персидском заливе в 1991 году, когда возглавляемая США и снабжённая мандатом ООН коалиция освободила Кувейт от иракской оккупации. Пункт ПВО в Инджирлике оказался при этом непревзойдённой платформой для воздушных операций. НАТО подтвердило своё обязательство защищать Турцию от возможного нападения со стороны Ирака и разместило в ней военные подразделения. Более того, через территорию Турции в Ирак поставлялась гуманитарная помощь. Этим Турция доказала свою стратегическую значимость для операций в этом нестабильном регионе, также и после войны, когда американские и британские ВВС с территории Турции обеспечивали в Ираке зону запрета на полёты.

Помимо этого, после распада СССР основной тактической задачей Турции в сфере внешней политики, стало убедить США в преимуществах использования её в контактах с новыми государствами Кавказа и Центральной Азии. При этом Турция поддержала расширение зоны национальных интересов США на центральноазиатский регион. Это относилось к укреплению в регионе позиций НАТО, установлению контроля над транспортировкой энергоресурсов на мировой рынок. В целом, в 90-ые гг. XX века во внешней политике Турции наблюдалось сочетание учёта национальных интересов с принципом взаимосвязи, в первую очередь, с США.

Из-за ухудшения турецко-американских отношений в 1998-1999 гг., США окончательно «дали понять Турции своё безразличие к её планам в Центральной Азии и на Кавказе, а затем проявили такое же безразличие к экономическим проблемам Турции», что, по мнению некоторых турецких авторов, привело страну к небывалому системному экономическому кризису. Однако, оба государства имели политические ресурсы для удержания отношений на приемлемом для стратегических партнёров уровне. Турция неоднократно демонстрировала способность нивелировать наиболее острые углы в отношениях с США, хотя многие проблемы остались нерешёнными.

Например, определённые сложности во взаимоотношениях Турции и США возникли после того, как турецкая сторона из-за оппозиции парламента не смогла предоставить Соединённым Штатам Америки ожидавшийся уровень поддержки в развёртывании военных действий против Ирака. В марте 2003 года турецкий парламент отклонил запрос правительства о наделении его полномочиями посылать турецкие войска за пределы страны и размещать в Турции иностранные войска. Здесь, безусловно, решающим явились серьёзные опасения Турции относительно курдской проблемы, так как де-факто получившие независимость от Багдада иракские курды автоматически стали источником для дестабилизации на территории Турции. Курд-

ская проблема крайне болезненна для турецкой государственности, и иракский конфликт стал, по сути, испытанием для турецко-американских отношений.

Ещё одной важной проблемой атлантической стратегии Турции последнего десятилетия стала проблема Северного Кипра. Если в истоках этой территориальной проблемы в эпоху «холодной войны» Запад оказывал поддержку Анкаре, тогда как СССР вступился за греков – киприотов, то с 90-х г.г. прошлого столетия «все предлагаемые сценарии вообще, не учитывают турецкие интересы в решении этой проблемы». Максимум, что Вашингтон гарантировал, «толерантное отношение к туркам-киприотам в составе единого Кипра в рамках Евросоюза», а также преемственность в вопросах собственности на Северном Кипре.

Наконец, проблема т.н. «геноцида армян» вызвала большую напряжённость в отношениях Турции и США. Принятие подкомитетом Палаты представителей резолюции о т.н. «геноциде армян» негативно отразилось на доверии друг к другу Анкары и Вашингтона.

Именно эти проблемы создали почву для высказываний о «кризисе атлантизма» в Турции. Тем не менее, и в США, и в Турции понимали чрезвычайную важность двусторонних отношений не только для национальных интересов двух стран, но и с точки зрения их региональной и глобальной значимости. После резкого пика турецко-американские отношения начали входить в стадию стабилизации. Политики начали рассматривать пути возрождения стратегического партнёрства. По мнению многих аналитиков, как в Соединенных Штатах, так и в Турции, «для поддержания устойчивых двусторонних отношений потребовалось их серьёзное переосмысление».

Начиная с 2005 года, в Анкаре и Вашингтоне с целью нормализации двусторонних отношений было принято решение о смене послов, обмене на регулярной основе делегациями и экспертными группами по вопросам взаимодействия на региональном уровне. Турецкие эксперты подсчитали, что только за 2005-2006 г.г. Турцию посетили 49 высокопоставленных американских делегаций, представляющих основные государственные ведомства США: администрацию президента, госдепартамент, Пентагон, обе палаты Конгресса, все спецслужбы, включая ЦРУ и ФБР. Не менее внушительным выглядит и список визитов в США высокопоставленных представителей турецкой стороны.

Турецко-иранские отношения после смены режима в Иране в 1979 году были достаточно напряжёнными. Турция опасалась экспорта исламской революции, о чём открыто говорили иранские лидеры. Взаимное соперничество в Центральной Азии и на Кавказе за сферы влияния после распада СССР также не добавляло позитива в эти отношения.

После прихода в 2002 году к власти в Турции Партии Справедливости и Развития (ПСР), отношения между Турцией и Ираном начали приобретать новое содержание. Ирану импонирует турецкая правящая происламская партия ПСР. Улучшению отношений способствовало также появление для обеих стран новых вызовов и угроз безопасности.

В январе 2003 года в разгар подготовки Вашингтона к силовой акции против Багдада Анкара выступала с заявлениями о необходимости осуществления любых действий против режима С.Хусейна только на основе решений СБ ООН и вела активную «челночную» политику дипломатию в регионе, целью которой являлось урегулирование иракской проблемы политическими средствами. В орбиту турецкой дипломатии были включены Сирия, Иордания, Египет, Саудовская Аравия, Ирак, а также Иран.

Иранский вопрос стал ещё одной причиной нового турецко-американского сближения. Кроме чисто военных проблем (предоставление своих территорий и воздушного пространства, использование военных баз), в иранском вопросе Вашингтону требовалось содействие Анкары, прежде всего по нескольким причинам: Турция – ближневосточная страна; Турция – мусульманская страна; Турция имеет определённое влияние на внутрииранские процессы. Что касается Турции, то в основе желания достичь взаимного согласия с Вашингтоном в иранском вопросе, то в Анкаре считали, что сложившаяся ситуация – самый удобный случай, чтобы выйти из турецко-американского кризиса 2003 года и остаться в выигрыше. Это предполагало, прежде всего, возможность выудить у американцев компромиссы по ряду жизненно важных для Турции вопросов (курдская проблема, Киркук). С другой стороны, Турция сама озадачена возрастающим военным потенциалом Ирана, что прямо отмечено в доктрине турецкой национальной безопасности. Становление Ирана ядерной державой, нарушает ирано-турецкое военно-политическое равновесие.

Таким образом, турецкая политика пыталась использовать ситуацию для существенного ослабления своего регионального конкурента, хотя «по своей глубине иранский вопрос не имеет той стратегической значимости, какую имела борьба против СССР».

Ещё одним шагом сближения Турции и США стал визит в 2007 году госсекретаря США Кондолизы Райс в Анкару, которая может быть расценена как важный момент, направленный на смягчение отношений между двумя государствами. Во время встреч с президентом Турции А.Сезером, премьер-министром Р.Т.Эрдоганом (ныне президент) и министром иностранных дел А.Гюлем К.Райс заявила, «что будут приложены серьёзные усилия для создания союза между США, Ираком и Турцией в борьбе с ПКК». Политологи, комментирующие это заявление госсекретаря США, полагали, что К.Райс, пусть не открытым текстом, но всё же дала понять, что США не станут препятствовать мерам преследования террористов. Совершенно было очевидно, что визит госсекретаря США имел цель сыграть важную роль в потеплении отношений между двумя государствами.

Нельзя не отметить важность визита в январе 2008 года президента Турции А.Гюля в США. Этот визит стал первым после 11-летнего перерыва визитом президента Турции в Соединенные Штаты,¹ можно сказать, что он закрепил позитивные тенденции в турецко-американских отношениях последних лет. Не удивительно, что

¹ До А.Гюля в 1996 году Вашингтон с официальным визитом посетил девятый президент Турции С.Демирель, а до него - в 1992 году - Т.Озал.

именно при встрече с А.Гюлем президент США назвал Турцию «великим стратегическим партнёром» своей страны. При этом Дж. Буш отметил, что оба государства «борются с общим врагом – террористами» и обозначил в качестве такого общего врага ПКК. Такие оценки впервые прозвучали из уст главы Белого Дома, что, несомненно, можно рассматривать как большую дипломатическую победу Анкары.

Последние годы стали важным этапом турецко-американских отношений и ознаменовались появлением нового позитивного импульса, который может придать двусторонним отношениям прагматичное направление развития.

1.2. Военно-техническое сотрудничество Турции и США

Рассматривая проблему военно-технического сотрудничества Турции с США, прежде всего, нужно отметить, что данная страна является членом НАТО. Тот факт, что Турция в конце Второй Мировой войны поддержала страны антигитлеровской коалиции, позволил ей претендовать на вступление в Североатлантический Союз сразу после создания этой организации. Однако первые попытки войти в блок, сделанные в 1950 году правительством А.Мендереса были неуспешны. Целый ряд стран, таких как Дания, Норвегия, Бельгия и Великобритания, выступили против принятия Турции в НАТО. Но уже в 1951 году Турция получила поддержку США. Главным козырем было участие Турции в Корейской войне. Турецкая Республика стала фактически единственным государством, предоставившим свои войска для непосредственного участия в этой войне.

Протокол о приёме Турции в НАТО был подписан в Лондоне 17 октября 1951 года. С этого времени начинается процесс активного военного строительства в стране и перевооружения турецкой армии по стандартам НАТО.

В Турции было построено более 100 аэродромов и военных баз, проложено много новых дорог. Крупнейшая военно-воздушная база была создана в Инджирлике, крупнейший военный порт – в Искендеруне. Турция обеспечила для себя поступление американских военных кредитов. Только с 1947 по 1949 г.г. она получила на военные расходы 175 млн. долларов. Турция также воспользовалась «планом Маршалла», 60% средств которого шло на военные нужды. Союзники Турции по НАТО тоже оказывали содействие процессу модернизации турецкой армии путём оказания ей различной помощи.

Турецкий военно-промышленный комплекс за годы своего развития добился серьезных успехов. На его базе производится 20 % ВВТ, состоящие на вооружении турецкой армии. Построено 4 фрегата, 8 подводных лодок, собрано более 250 боевых самолетов Ф-16, около 60 военно-транспортных самолетов СН-235, 30 вертолетов «Кугар», более 3000 боевых бронированных машин, а также другой основной и вспомогательной продукции военного назначения.

За последнее десятилетие турецкие фирмы оборонной промышленности достигли уровня производства и разработки собственными силами вооружений и обо-

рудования, в которых испытывают потребность вооружённые силы Турции. В частности, это касается авиации, ракет военной электроники, строительства военных кораблей, бронетехники, боеприпасов.

Сегодня армия Турции – самый организованный и мощный государственный институт в стране. По численности в военном блоке НАТО она занимает второе место после США. Военный бюджет составляет 8,5 млрд. долларов (2007 г.).

Регулярные вооружённые силы насчитывают 515 тыс. человек. Из них 402 тыс. - сухопутные войска: 4 штаба армии, 10 корпусов, 3 дивизии (2 пехотные), 48 бригад (17 бронетанковых, 15 механизированных, 11 пехотных, 5 специального назначения, из которых планируется расформировать 2 бронетанковых, механизированную и пехотную бригады), 11 полков (президентской гвардии пехотных, 5 пограничной охраны, 4 авиационных), 26 отдельных батальонов пограничной охраны. На вооружении состоят более 4200 танков, 650 БМП, 3643 БТР, 2015 буксируемых и 868 самоходных орудий, более 1600 орудий зенитной артиллерии, 168 самолётов и около 300 вертолётов. Численность ВВС – 60 тыс. человек. Имеется 480 боевых самолётов. В ВМС служат 53 тыс. человек, в том числе 3 тыс. - в морской пехоте. В состав флота входят 13 подводных лодок, большое количество кораблей разного класса (26 фрегатов с управляемым ракетным оружием, 21 ракетный катер, 18 патрульных катеров, 24 минно-тральных корабля, 29 малых десантных кораблей). Боевая подготовка подчинена главным образом решению задач, отвечающих требованиям командования НАТО и проводится в тесной увязке с общими задачами блока.

Сухопутные силы Турецкой Республики дислоцированы в соответствии с оперативными планами Североатлантического альянса. 1-я полевая армия (штаб в Стамбуле) размещается в районе Черноморских проливов и Восточной Фракии (европейская часть Турции); 2-я полевая армия (штаб в Малатье) – в районах южных границ страны; 3-я полевая армия (штаб в Эрзинджане) – в районах, прилегающих к границам Армении; 4-я (Эгейская) полевая армия (штаб в Измире) – в районах побережья Эгейского и Средиземного морей. Отдельные армейские корпуса дислоцируются в Центральной Анатолии и в северной части острова Кипр.

На территории Большого Кавказа, практически на всей северо-восточной части Турции, дислоцируется около трети всей её армии – 3-я полевая армия в составе 8-го и 9-го армейских корпусов, 48-й отдельной пехотной бригады и части сил 2-й полевой армии (7-й армейский корпус). 9-й АК имеет в своём составе: 3-ю мотопехотную дивизию, 7-ю, 14-ю, 25-ю, отдельные механизированные бригады, отдельный мотопехотный батальон, отдельный танковый батальон, который дислоцируется в районе Ардаган, Кагысман, Эрзурум. 8-й АК имеет в своём составе: 10-ю отдельную пехотную бригаду, 1-ю, 12-ю, 34-ю, 42-ю отдельные механизированные бригады, 9-ю отдельную бронетанковую бригаду и 151-й артиллерийский полк КСИР, расположенный вдоль турецко-иранской границы. Кроме того, на ирано-турецкой границе дислоцируются соединения 2-й ПА- 7-го АК в составе: 61-й и 70-й отдельных механизированных бригад, 16-й и 20-й отдельных бронетанковых бригад, 2-й, 5-й, 23-й отдельных пехотных бригад. Действия армии поддерживаются вторым тактическим авиакомандованием, а на приморском направлении и действиями командования во-

енно-морского флота.

Все эти статистические данные о турецкой армии приводятся с целью выявления роли этого института в развитии турецко-американских отношений. США по сей день остаются заинтересованными в существовании крупных и дееспособных турецких вооружённых сил, что обусловлено стратегической важностью Турции. Военное сотрудничество Турции и США позволяет оказывать ключевое воздействие на внешнюю и внутреннюю политику Турции и способствует укреплению позиций Вашингтона в этом государстве и регионе.

Во время войны в Заливе в начале 90-х гг. прошлого столетия США надеялись на всестороннюю, в том числе военную помощь, со стороны Североатлантического альянса как идеального прикрытия и поддержки. Среди своих союзников в НАТО Соединённые Штаты расценивали Турцию как могучий форпост на юге, где расположены богатые нефтяные источники арабских государств. Действительно, Турция приняла активное участие в антииракской коалиции. Незадолго до начала операции «Буря в пустыне», Анкара направила к границе с Ираком дополнительный контингент войск численностью свыше 40 тыс. военнослужащих. Кроме того Турция разрешила Соединённым Штатам значительно увеличить число самолётов на базе военно-воздушных сил в Инджирлике.

В связи с обострением ситуации в Ираке США надеялись на дальнейшее сотрудничество с Турцией. Тем не менее, официально Анкара отказалась принять участие в составе коалиционных сил в войне против Ирака в 2003 году. Впервые за многие десятилетия в критической ситуации руководство Генштаба, пытавшегося воздействовать на парламент и правительство, чтобы добиться прямого участия Турции в антииракской коалиции, не достигло своей цели. В этих условиях премьер-министру Р.Т.Эрдогану трудно было скрыть разногласия с начальником Генерального штаба, и страна могла, по мнению некоторых обозревателей, оказаться на грани очередного военного переворота. И вообще, проблема самостоятельности (в первую очередь военной) Анкары от Вашингтона стала после 2003 года крайне актуальной. Рассмотрим в этом контексте более подробно аспекты этой проблемы.

Свыше 80% вооружений и военной техники Вооружённых сил Турции – американского производства. В первую очередь в их число входят наиболее высокотехнологичные эффективные системы вооружений, эксплуатация которых крайне затруднительна без технического и кадрового содействия США. Конечно, это даёт Вашингтону весьма эффективный рычаг давления на Турцию. В этом плане наиболее уязвимыми являются ВВС как самый высокотехнологичный и сложный в обслуживании и обеспечении род вооружённых сил.

Другим важным аспектом являются современные боеприпасы. Вооружение ВС Турции состоит из ряда типов высокоточных боеприпасов (управляемые авиационные бомбы и ракеты, зенитные управляемые ракеты и т.д.), поставки которых осуществляются из США. В случае развёртывания интенсивных боевых действий их запасы, как правило, быстро исчерпываются и именно от США зависит их возоб-

новление.¹

Турецкая армия пережила в своей истории кризис в обеспечении технической готовности, правда, в меньших масштабах. Например, после Кипрских событий 1974 года, США ввели эмбарго на поставки вооружений Турции, было приостановлено, в частности, осуществление программ по обновлению самолётного парка ВВС. По некоторым оценкам, в середине 70-х годов прошлого столетия, эффективность ВВС Турции сократилась на 50%.

В начале 80-х г.г. XX столетия начинается «новый ренессанс» турецко-американского военного сотрудничества. Несмотря на динамичное развитие, по причине ограниченных возможностей турецкой экономики и недостаточного выделения из бюджета средств на нужды военно-промышленному комплексу, в 1985 году был создан Фонд развития и поддержки оборонной промышленности с целью его последующего использования Департаментом оборонной промышленности министерства обороны. В результате развития имеющейся инфраструктуры на вооружение армии стали поступать в начале 90-х г.г. XX века новые системы, созданные на основе использования самых современных технологий. С другой стороны, опыт использования технологий в промышленности начал положительно сказываться на подготовке квалифицированной силы и распространения технологий. Развитию вооружённых сил Турции в конце 90-г.г. XX века активно продолжали помогать США, и НАТО. Действует соглашение с США «Defense and Economic Cooperation Agreement», имеющее непосредственное отношение к военному производству. Примером технологического сотрудничества Турции с США можно считать государственную компанию TUSAŞ (Турецкая авиационная промышленность). Эта организация была учреждена ещё в 1973 году для создания в стране современной базы производства военной и гражданской авиации. Капитал компании на 55% принадлежит казначейству, а на 45% – Фонду укрепления военно-воздушных сил. Этой компании было передано имущество завода «Merted», расположенного вблизи американской военной базы под Анкарой. Хотя TUSAŞ планировала начать с производства гражданской авиатехники, пока что ею осуществляется сборка военных самолётов F-16, а также частей фюзеляжа для самолётов американских ВВС.

В мае 1996 года президент Турции С.Демирель провёл совещание с представителями военного сектора турецкой промышленности, на котором были рассмотрены планы развития национальной военной промышленности. По итогам совещания был подготовлен документ «Политика и стратегия военной промышленности», утверждённый правительством. Эта 25-летняя программа предусматривала комплекс мер, направленных на повышение заинтересованности национальных производителей во вложении и капитала в военный сектор промышленности и уменьшение зависимости Турции от западноевропейских партнёров в производстве современных видов вооружения и военной техники, а также определяла потребности ВС Турции в них. Согласно новой стратегии развития военной промышленности, на первом этапе при

¹ Примечательно, что даже такой союзник США, как Израиль, после такой ограниченной войны, как Вторая Ливанская (2006 г.), сегодня вынуждена активно пополнять арсеналы, закупая, в США высокоточные авиационные боеприпасы, противотанковые управляемые ракеты и т.д.

поддержке государства было намечено создать новые промышленные предприятия с ориентацией на выпуск военной продукции, в которой испытывают потребность ВС Турции (см.: таблицу 1.1).

Таблица 1.1.

Потребности Турции в вооружениях к 2021 году

а) сухопутные войска

Тип вооружений	Количество	Выделяемые средства (общая сумма)
Вертолёты	150	
ракетные системы	180	
танки	627	
колёсные транспортные средства	48.564	
		60 млрд. долларов

б) военно-воздушные силы

Тип вооружений	Количество	Выделяемые средства (общая сумма)
боевые самолёты (истребители-бомбардировщики)	640	
самолёты ПВО	79	
учебные самолёты	160	
транспортные самолёты	68	
вертолёты	25	
		65 млрд. долларов

в) военно-морские силы

Тип вооружений	Количество	Выделяемые средства (общая сумма)
фрегаты	14	
эсминцы	16	
ракетные катера	16	
подводные лодки	9	
десантные корабли	35	
самолёты патрульной авиации	9	
		25 млрд. долларов

Новая стратегия развития турецкой военной промышленности на первом этапе предусматривала снизить внешние закупки военной продукции с 79 % до 60%.

В настоящее время основная часть военной продукции, выпускаемая на предприятиях турецкой военной промышленности, закупается для нужд национальных вооружённых сил. В последние годы XX века эта доля постоянно возрастала, что стимулировало производителей. Военный бюджет с 386 трлн. турецких лир в 1996 г. возрос в 1997 г. до 793 трлн. турецких лир. При этом объёмы закупок военной про-

дукции, выпускаемой на национальных оборонных предприятиях, возрос с 10% до 13% бюджетных ассигнований, выделенных на нужды вооружённых сил. Вместе с отчислениями из фондов поддержки военной промышленности и вооружённых сил эта сумма на начало 1997 года составила около 9 млрд. долл.

Руководство Турции в 2000 году приняла программу модернизации вооружённых сил, рассчитанную на 30 лет. Программа предусматривала оснащение армии ударными вертолётами и новыми танками. По этой программе в военно-морские силы намечалось поступление 6 дизельных подводных лодок типа «Превез» и 5 фрегатов типа «Барбаросс», а также 12 патрульных катеров. Сухопутные силы должны быть оснащены новой системой управления огнём и обнаружения целей.

В целом оборонно-промышленный комплекс Турции технологически крепко связан с военно-техническим сотрудничеством с США. Большинство реализуемых программ, в том числе программа 2000 года осуществлялась в сотрудничестве с американцами. Так, одной из наиболее крупных и перспективных программ в эти годы явилось участие предприятий турецкой авиационной промышленности в разработке и производстве новейшего американского боевого самолёта F-35.

С целью укрепления своих позиций в Турции и в регионе, Соединённые Штаты Америки после 11 сентября 2001 года продолжали оказывать военно-техническую помощь Анкаре. В начале 2003 года (т.е. накануне второй войны в Заливе) эта помощь была обещана в сумме 26 млрд. долларов. В целом, Турция осталась за рамками американского 63 миллиардного военного пакета, предоставляемого ближневосточным странам, что было, конечно же, связано общим недоверием этих государств друг другу после Иракского кризиса 2003 года.

Тем не менее, начиная с 2006 года, военно-техническое сотрудничество между двумя странами стали более интенсивными, что также было связано с позитивными изменениями в политических отношениях. В апреле 2006 года США одобрили планы создания на территории Турции трёх военно-морских баз. Было выбрано два места для американских баз: порты Искендерун на побережье Средиземного моря и Урла - в Эгейском море. Третья база могла быть создана в порту Мордоган вблизи города Измир на побережье Эгейского моря. При выборе мест для баз американцы исходили из возможности использования ныне действующих турецких портов и создания на их основе новых, так как там планировалось базирование крупнотоннажных судов, больших военных кораблей, в том числе авианосцев. Изначально Вашингтон добивался размещения одной из баз на черноморском побережье Турции, однако был получен отказ в связи с тем, что Анкара выступила против нарушения Конвенции Монтрё (1936 г.), регламентирующей правила судоходства в зоне черноморских проливов.

Новые американские базы в Турции официально были названы «военными объектами». Такая техническая уловка, с одной стороны, позволила Анкаре и Вашингтону избежать заключения нового межправительственного соглашения о сотрудничестве в области обороны на смену подписанному между ними в 1980 году и действующему по настоящее время. С другой стороны, разрешение на создание военно-

го объекта выдавала глава правительства, в то время как для открытия военной базы требовалось решение парламента. Следует отметить, что на территории Турции находятся до 25 американских военных объектов, в том числе склады ядерного оружия.

Анкара выступила в 2005 году с предложением создать в Стамбуле штаб сил быстрого развёртывания НАТО и включить в зону его ответственности Балкан, Кавказ и Центральную Азию.

Развитие ВВС Турции также были связаны (и по сей день) с участием страны в программе YSF (Единый Ударный Истребитель) по разработке боевого многофункционального самолёта нового поколения F-35. По соглашению 2005 года, в течение ближайших 20 лет Турция планирует получение около 100 истребителей F-35A на общую сумму 10,7 млрд. долларов (первые поставки с 2014 года). В качестве промежуточного решения в 2007 году было принято решение о закупке 30 единиц истребителей F-16C block 50 на сумму 1,78 млрд. долларов (поставки с 2011 года). В октябре 2006 года Агентство по международному военному сотрудничеству США одобрило проект договора о поставке в Турцию 42 запасных двигателя General Electric F-110-129, пусковые установки для ракет «воздух-воздух», нацеленные системы целеуказания, радиолокационные станции и комплексы радиоэлектронной борьбы. Одним из самых важных элементов оборудования новых самолётов являются аппаратура связи Link 16 MIDS LVT, установленная на истребителях, и наземные станции Link 16. Это оборудование общепринятое для США и стран НАТО, позволяет осуществлять бесперебойную связь в режиме реального времени через большое количество каналов голосовой связи и передачи данных. По соглашению 2006 года, общая сумма сделки между США и Турцией составила 2,9 млрд. долларов.

В структуре военно-технических связей Турции с Западом особое место до сих пор занимал Израиль – главный союзник Соединенных Штатов на Ближнем Востоке. В декабре 1996 года было подписано чрезвычайно важное Соглашение о сотрудничестве в военной области. В дополнение к этому базовому Соглашению было подписано 12 протоколов по различным направлениям взаимодействия в этой сфере.

Итак, несмотря на значительные проблемы и даже разногласия в турецко-американских политических отношениях, сотрудничество двух стран в военно-технической сфере остаётся на высоком уровне, что ещё раз доказывает взаимосвязь геополитики США и региональной стратегии Турции на современном этапе международных отношений.

ГЛАВА II

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТУРЕЦКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

2.1. Ближневосточный регион в турецко-американских отношениях

Турция и Соединённые Штаты Америки являются не только союзниками в рамках НАТО, но и стратегическими партнёрами во многих регионах мира. Коренные интересы двух государств обычно совпадают. Однако между двумя сторонами бывают и противоречия, примером которых является ближневосточный регион. Этот район и связанные с ним проблемы остаются одной из центральных тем турецко-американских отношений на современном этапе.

Острота и актуальность этой проблемы, так или иначе, сказываются на выборе приоритетных решений в политическом диалоге между Турцией и США.

В основе вопроса заложена позиция Анкары по отношению к террористической «Рабочей партии Курдистана» (РПК) и её деятельности, как на территории Турции, так и на территории стран Ближнего Востока.

Ещё в начале 90-х годов прошлого столетия Анкара высказывала опасения связанные с угрозой курдского сепаратизма. С началом кризиса в Персидском заливе Турция долгое время противилась попыткам США прямому её вовлечению в операцию «Буря в пустыне». Тем не менее, под нажимом Вашингтона незадолго до начала войны, Анкара направила к границе с Ираком дополнительный контингент войск численностью свыше 40 тысяч военнослужащих. Турция разрешила Соединённым Штатам значительно увеличить число своих боевых самолётов на базе военно-воздушных сил в Инджирлике, кроме того, правительство Анкары добилось от парламента права на отправку турецких войск за рубеж. Этим правительство не преминуло воспользоваться при неоднократном вторжении в Ирак частей турецкой армии, как в ходе войны, так и после её окончания.

Турция перекрыла также обе ветки нефтепровода с Ираком и фактически прекратила с ним все экономические связи. По оценкам западных и турецких экспертов, общая сумма потерь от «Бури в пустыне» составила для Турции около 7 миллиардов долларов. Для компенсации этих потерь Турция смогла получить от союзников по антииракской коалиции всего лишь около миллиардов долларов вместо обещанных 4,5 миллиардов. Особенно с большими трудностями она столкнулась в связи с массовым переходом более 500 тыс. курдских беженцев из Ирака в Турцию и периодическими переходами границы в обратном направлении курдских боевых отрядов.

Некоторые аналитики считают, что в ходе войны «Буря в пустыне» позиция Анкары сыграла важную роль в отказе администрации США от доведения её до свержения режима Саддама Хусейна. Это могло привести тогда к дезинтеграции Ирака и образованию курдского государственного образования на севере страны. Однако после окончания «Бури в пустыне» турецкие власти не смогли воспрепят-

ствовать рождению в запретной зоне для полётов иракской авиации автономного курдского района на Севере Ирака. В связи с этим, после окончания «Бури в пустыне» турецкие власти всё теснее стали координировать с Багдадом политику в совместных действиях по борьбе с курдскими террористами.

С началом новой антииракской кампании и проведением администрацией Б.Клинтона операции «Лис в пустыне» турецкий премьер-министр Б.Эджевит призвал не торопиться применять против Багдада силу, ссылаясь на взаимозаинтересованность в сохранении территориальной целостности Турции и Ирака.

Когда же после событий 11 сентября 2001 года встал вопрос о возможном распространении военных действий Афганистана на Ирак, Б.Эджевит предупредил, что Турция против вторжения в Ирак. Он расценил тогда такую войну как «агрессию, способную привести равновесие в регионе к полному хаосу».

С приходом к власти происламской «Партии Справедливости и Развития» (АКП), возглавляемой Р.Т.Эрдоганом, правительство Турции стало проводить политику маневрирования между США и мусульманскими странами. В условиях обострения иракско-американского кризиса большинство из них выступало против применения силы в обход принимавшихся ранее ООН резолюций по Ираку. В деликатном, двойственном положении при решении иракского кризиса и тесно связанной с ним курдской проблемы оказалась не только Анкара, но и Вашингтон.

Вашингтон настойчиво добивался от Турции предоставления её территории для использования американскими силами вторжения в Ирак, к тому же без прямого участия Анкары в этой войне. Турции за размещение на её территории 62-тысячного контингента США была обещана солидная финансовая компенсация. Она включала в себя 6 миллиардов долларов непрямого помощи и около 26 миллиардов долларов в виде целевого кредита на возмещение возможных потерь турецкой экономики от войны в Ираке.

Но подлинная цель столь щедрого вознаграждения состояла в другом, Соединённые Штаты Америки стремились тем самым возместить долги Турции за её отказ от прямого участия её войск во вторжении в Северный Ирак с преимущественно курдским населением. Турецкие власти никогда не скрывали своих притязаний на восстановление контроля над богатыми нефтью районом Киркука, и входившего некогда в турецкий вилайет Мосул. Вашингтон для установления контроля над этими важными центрами нефтяных районов северного Ирака, не добившись от Анкары разрешения использовать турецкую территорию, вынужден был срочно перебрасывать свои войска из Кувейта. Американцам удалось всё же удержать Турцию от ввода в Северный Ирак крупного контингента своих войск с целью вытеснения из Киркука и Мосула вступивших туда первыми курдских вооружённых формирований «пешмерга». Против прямого вовлечения Турции в иракскую войну и возможной оккупации её войсками Северного Ирака решительно выступило также большинство европейских стран НАТО.

Особенность нового кризиса вокруг Ирака состояла в том, что он развивался в условиях начавшейся борьбы с международным терроризмом и продолжавшегося

более полувека ближневосточного конфликта. Это не могло не придать ему новые геополитические измерения. Если присмотреться внимательно, в исторической ретроспективе он стал самым серьёзным испытанием турецко-американских отношений. Вместе с тем кризис вывел новый виток прямой конфронтации с арабскими странами, Израиль с ещё обострившимся для него палестинским вопросом и сделал косвенным соучастником ближневосточного конфликта Турцию, единственное мусульманское государство – члена НАТО с острой для него курдской проблемой.

Во втягивании Турции и Североатлантического Союза в ходе иракского кризиса в ближневосточный конфликт просматривались, с одной стороны, настораживающие тенденции перерастания локальных очагов напряжённости в конфликтный узел регионального масштаба, а с другой – всё больше появлялись признаки раскола Североатлантического блока из-за разного подхода к решению не только иракского кризиса, но и тесно связанной с ним курдской проблемы. Выявившиеся на этой почве разногласия привели, по определению западных политологов, к «самому серьёзному кризису НАТО после окончания «холодной войны».

Кризис этот удалось уладить только через военный комитет НАТО в обход Франции. На заключительном этапе военных действий не только Турция с Ираком, но находящиеся на их границах курды оказались как бы по разные стороны фронта. В ситуации, когда иракские курды выступали в роли союзников США в антииракской войне, курды по другую сторону иракско-турецкой границы организовывали массовые антивоенные демонстрации. Движение курдских сепаратистов, пошедшее в Турции на спад после ареста их лидера Абдуллы Оджалана, заметно активизировалось. В возможной дезинтеграции Ирака Анкара усматривала немалую угрозу безопасности и целостности Турции. В годы «холодной войны» максималистская цель создания единого курдского государства фактически в реальной плоскости не ставилась. Центр тяжести борьбы за достижение курдской государственности или автономии периодически перемещался из Ирака (1943-1945 гг.) в Иран (1945-1946 гг.), затем снова (в 60-70-х гг. XX века) – из Ирана на север Ирака.

В 80-90-х гг. прошлого века курдское движение обрело наибольший размах в виде организованных вооружённых выступлений и террора в восточных и юго-восточных районах Турции. Чаще всего внутренние межкурдские столкновения и конфликты отражали межплеменные и межпартийные противоречия и соперничество между курдскими сторонниками и противниками А.Оджалана, а на севере Ирака – между сторонниками ДПК М.Барзани и ПСК Дж. Талабани. Это не мешало, однако, иракским курдам временами объединять усилия не столько в противодействии турецкой армии, сколько в преследовании и уничтожении проникавших в северные районы Ирака сторонников А.Оджалана.

В условиях прекращения блокового противостояния и усиления процессов глобализации курдское движение в Турции в лице самой радикальной его организации РПК после ареста А.Оджалана сделало заявление об отказе от вооружённой борьбы с осуждением использовавшихся методов терроризма. Это нашло отражение и в защитной речи самого А.Оджалана перед Европейским судом.

Совсем иную эволюцию претерпело курдское движение в соседнем с Турцией Ираке. Долгое время там враждовали между собой курдские лидеры М.Барзани и Дж. Талабани. Незадолго до начала иракской войны, они заявляли не только о налаживании сотрудничества между возглавляемыми ими организациями ДПК и ПСК в рамках общего антисаддамовского фронта, но и об отказе от провозглашавшихся ими ранее сепаратистских целей отделения от Ирака, подтвердив согласие оставаться в его составе на правах равноправного члена федеративного государства.

Возможно, все эти высказывания носили тактический характер – они были продиктованы, прежде всего, опасениями широкомасштабного вооружённого вторжения Турции в Северный Ирак.

Тем не менее, события 2003 года перечеркнули компромисс между Турцией и Соединенными Штатами Америки, и развели союзников по НАТО по разным углам. Во-первых, Турция решительно выступила против применения США военной силы против Ирака. После того, как Дж. Буш-младший в июле 2002 года объявил о намерении любой ценой свергнуть иракскую власть,¹ турецкое правительство выразило решительное возражение против разрешения иракского вопроса военным путём, подчеркнув необходимость применения военной силы в отношении «суверенной и независимой страны только после получения полномочий со стороны Совета Безопасности ООН».

Во-вторых, Турция отказалась от требования США разместить войска в составе 62 тыс. солдат северного фронта для ударов по Ираку. Через некоторое время правительство во главе с Абдаллахом Гюлем под большим давлением со стороны Вашингтона было вынуждено согласиться с этим требованием, но проект правительства отклонил парламент (ВНСТ) страны. Таким образом, провалился этот тщательно подготовленный Пентагоном план северного направления в войне. После этого администрация Дж. Буша обвинила Турцию в недостаточной активности на консультациях с депутатами правящей партии. Однако турецкие политики переложили ответственность на США, обвинив американские СМИ в чернении страны, что значительной степени возмутило национальное чувство народа: именно это, по мнению турецких депутатов, привело к голосованию колеблющихся членов парламента против.

В третьих, Вашингтон сблизился с иракскими курдами, что безусловно тревожило Турцию. 8 марта 2004 года Временный Управляющий Совет Ирака одобрил переходную конституцию, определяющую принципы управления страной до конца 2005 года. Примечательно, что в ней оговаривался пункт, согласно которому, курды, контролирующие северную часть Ирака, имеют право блокировать принятие конституции 2005 года.

Анкара незамедлительно отреагировала на подписание этой переходной конституции и обвинила США в искусственном затягивании процесса установления

¹ В действительности вторжение войск в Ирак для свержения режима Саддама Хусейна, послужили основой для реализации давно вынашиваемого плана - реорганизации Ближнего Востока и Ирак стал первым звеном в этом процессе. Военная операция в Ираке была осуществлена без санкции СБ ООН, а также вопреки мнению ведущих государств мира.

мира и стабильности в Ираке. Турецкие политики указывали на то, что конституция была подписана под нажимом Соединённых Штатов, которые смогли «убедить лидера шиитов аятоллу А.Систани в необходимости принятия этого закона». По мнению турецкой стороны, без вмешательства Вашингтона, 13 шиитских депутатов Временного управляющего Совета Ирака безусловно не стали бы подписывать документ, который «открыл двери курдскому сепаратизму». Но президент США Дж. Буш отметил, что, несмотря на критику Турции, переходная конституция Ирака является «значительным шагом на пути иракского народа от диктатуры к демократии». Таким образом, Вашингтон на деле доказал, что в своих отношениях с Анкарой он не будет прислушиваться к её пожеланиям и не станет менять свою ближневосточную политику из-за её опасений. Переходная конституция Ирака стала своеобразным ответом Соединённых Штатов Америки Анкаре на её нежелание в своё время открыть северный фронт в войне против режима Саддама Хусейна. В 2003 году Вашингтон был крайне озабочен нежеланием Великого Национального Собрания Турции предоставить территорию страны для прохождения американских войск, поскольку расчёты на Турцию, как на своего верного союзника не оправдались, США были вынуждены отложить дату начала военной операции и пересмотреть путь переброски войск в Ирак.

Обозреватель «Sabah» Мехмет Тезкан писал: «..., что власть вновь оказалась на минном поле, на этот раз отвергнуть американское предложение об отправке турецких войск вряд ли удастся, и в правительстве и в меджлисе понимают, что не поддержать запрос США – значит заморозить турецко-американские отношения, вызвать конфликт с МВФ и лишиться обещанных многомиллиардных кредитов».

После настойчивого давления на ВНСТ правительство Р.Т.Эрдогана добилось того, что депутаты пошли на уступки и приняли решение о предоставлении Соединённым Штатам Америки воздушного пространства Турции. Тем не менее, Вашингтон остался, не удовлетворён решением Анкары, так как рассчитывал на размещение своих войск на турецко-иракской границе. В начале мая 2003 года первый заместитель министра обороны США П.Вулфовиц открыто обвинил Турцию в бездействии в вопросе размещения американских войск и отметил неудовлетворение Вашингтона частичной поддержкой его планов Анкарой. П.Вулфовиц подчёркивал, что открытие второго фронта в северной части Ирака в значительной степени «могло бы облегчить военную задачу США, сократить людские потери и сэкономить бюджет». Но несмотря на заявления американских политических деятелей и на санкции проводимые США по отношению к Турции за её нерешительность, Анкара официально ответила, что она не ошиблась в выборе своей стратегии и приняло единственно правильное решение.

Турецкое правительство, хотя и предоставило американцам права ограниченного использования турецких баз, проявило максимум осторожности, чтобы не допустить неконтролируемого хода событий в случае затяжной войны в Ираке. Не исключая отдельных вспышек сепаратистских выступлений курдов и рецидивов их террористических акций со стороны некоторых исламистских группировок (в частности, «Ансар ал-Ислам»), курдское движение в Ираке поспешило заручиться под-

держкой стран антииракской коалиции, главным образом США и других западных государств.

После падения режима Саддама Хусейна отношения между США и Турцией возобновились в силу объективных причин. Турция и США нуждаются в продолжении двустороннего военно-политического сотрудничества. Принятие решения об отправке военнослужащих в Ирак 10 августа 2003 года, считается началом поворота.

На протяжении всего 2004 года курдская тема была основным вопросом турецко-американского диалога. Анкара требовала от Вашингтона решительных действий против отрядов РПК, базирующихся на территории Северного Ирака. Министр иностранных дел Турции А.Гюль, регулярно посещающий Вашингтон, отмечал в своих заявлениях, что на территории Северного Ирака находится свыше 5 тыс. турецких курдов, среди которых террористы, скрывающиеся от турецких властей. Анкара открыто заявляла, что ближневосточная политика Вашингтона ведёт к угрозе курдского сепаратизма и если она не будет пересмотрена, Ближний Восток столкнётся с непреодолимыми трудностями.

Премьер-министр Турции Р.Т.Эрдоган неоднократно настаивал на том, что США должны пересмотреть своё отношение к курдскому вопросу и объединиться с Турцией в борьбе с РПК. Руководство страны указывало на инциденты нападения на турецких военнослужащих боевиками партии и на бездеятельность американцев в этих вопросах. Только в 2004 году Турция потеряла в Ираке свыше 80 человек, среди которых были как военнослужащие, так и гражданские лица. Анкара заявляла, что нападения на турецкие автоколонны и на полицейские посты проводятся членами РПК, и настаивала на тщательном расследовании этих нападений. В свою очередь, Дж.Буш отвечал руководству Турции, что Вашингтон готов к сотрудничеству, так как США намерены «сохранить целостность и неделимость Ирака».

Однако решительных действий против членов курдской партии американцы не проводили. Правда, с начала 2004 года Вашингтон внёс Рабочую Партию Курдистана в список террористических организаций, о чём было заявлено главой американской администрации в Ираке П.Бремером. Согласно его заявлению, «члены партии укрывают среди курдского населения Ирака террористов, а терроризм в обновлённом Ираке следует искоренять». В своём ответе Анкара выразила благодарность правительству США «за понимание всей опасности ситуации, когда угроза курдского сепаратизма надвигается на Ближний Восток».

Надо отметить, что борьба с вышеуказанной угрозой в 2004-2005 г.г. объединила Турцию с Сирией и Ираном. Это сближение совершенно не устраивало Вашингтон, рассматривающий Сирию как своего потенциального противника. Турция в свою очередь не реагировала на замечания США на эту тему, так как заверения руководства Соединённых Штатов «о понимании всей сложности ситуации» уже давно не настраивали Анкару на оптимистический лад. Совершенно не устраивали в эти годы Турцию и то, что американцы стали регулярно проводить встречи с руководителями РПК, о результатах которых не считали своим долгом информировать

Анкару.

Начиная, с 2006 года США и Турция, понимая чрезвычайную важность двусторонних отношений не только для национальных интересов двух стран, но и с точки зрения их ближневосточной значимости, начали усиливать региональные аспекты двустороннего сотрудничества. В Анкаре и Вашингтоне с целью нормализации этого сотрудничества было принято решение об обмене на регулярной основе делегациями и экспертными группами по вопросам взаимодействия на региональном уровне. Только за 2005-2006 гг. Турцию посетили 49 высокопоставленных американских делегаций, представляющих основные государственные ведомства США: администрацию президента, госдепартамент, Пентагон, обе палаты Конгресса, все спецслужбы, включая ЦРУ и ФБР.

Одним из примеров такой насыщенной дипломатии явился состоявшийся в марте 2006 года визит в Анкару начальника объединённого командования Штабов ВС США П.Пейджа. Формально американский генерал прибыл для участия в международном симпозиуме «Глобальный терроризм и международное сотрудничество». Фактически же основная нагрузка его визита в Турцию состояла из переговоров с премьер-министром Р.Т.Эрдоганом (ныне президент Турции), в ходе которых были затронуты наиболее болевые точки турецко-американских отношений, курдская проблема, вопрос о базировании боевиков РПК на территории Северного Ирака, откуда они вели боевые действия на турецкой территории, ситуация в Ираке, ядерная программа Ирана, отношения с победившей на палестинских парламентских выборах ХАМАС. Американский генерал, подводя итоги своего пребывания в Турции, с военной прямоотой констатировал: «Я смотрел туркам в глаза и говорил им правду». Видимо, эта правда оказалась «камнем преткновения» в турецко-американских отношениях. По оценкам турецких экспертов, в ходе переговоров ни по одному из вышеперечисленных вопросов стороны не достигли взаимоприемлемого результата. Так, по наиболее чувствительной для Турции курдской проблеме генерал Пейдж ограничился лишь словесным осуждением курдского терроризма и признанием РПК террористической организацией. Ведь и в ходе предыдущих переговоров на различных уровнях Соединённые Штаты Америки неоднократно обещали предпринять жёсткие меры по разоружению боевиков, уничтожению их лагерей и складов, закрытию филиалов и ячеек РПК в странах Западной Европы, финансовых счетов организации. Одно из них прозвучало, в частности в сентябре 2005 года в ходе визита в Анкару командующего американскими войсками в Европе армейского генерала Дж. Джонса. Он отмечал, что РПК является общей проблемой Турции, Ирака и США, решать которую «в первую очередь должны Анкара и Багдад, а Вашингтон, в случае необходимости и целесообразности, окажет помощь».

Об отсутствии у США намерений практически реализовать свои обещания турецкой стороне в отношении РПК говорили и итоги переговоров министра иностранных дел Турции А.Гюля и госсекретаря США К.Райс, состоявшихся в сентябре 2005 года в Нью-Йорке в рамках работы Генеральной Ассамблеи ООН. По итогам этих переговоров глава американской дипломатии вновь заверяла Анкару в своём принципиальном согласии на жёсткие силовые меры в отношении РПК в Северном

Ираке, однако, по её мнению, «такие действия могли быть предприняты лишь в удобное для Вашингтона время». Турецкие аналитики, подводя итоги переговоров в Анкаре высокопоставленного генерала, высказывали мнение, что американцы не заинтересованы в жёстких мерах против РПК, хотя, как и Европейский Союз, считают эту организацию террористической. Эти аналитики, не без основания, считали, что «сохранение проблемы РПК в подвешенном состоянии позволяет американской администрации удерживать Анкару в фарватере своей региональной и глобальной политики».

Что касается иранской ядерной программы, Турция на переговорах с начальником объединённого командования штабов ВС США П.Пейджем констатировала, что «ядерный Иран беспокоит Анкару, однако Турция признаёт право каждого на использование ядерной энергии в мирных целях. Когда же её применение выходит за эти рамки, это вызывает беспокойство». В турецких дипломатических кругах в связи с этим отмечали, что, несмотря на определённое ужесточение позиции Анкары по проблеме иранской ядерной программы, в военно-политическом руководстве Турции не существует реальной критики Ирана по данному вопросу. В знак одобрения такой позиции от иранской стороны даже прозвучало предложение Турции обогащать уран на её территории, которое озвучил посол Ирана в Анкаре. Естественно, это предложение носило скорее пропагандистский характер, нежели открытое стремление к сотрудничеству с Турцией в этой области, так как на турецкой территории (и Тегеран об этом хорошо осведомлён) нет для этого соответствующей инфраструктуры, технологии и условий.

Между тем основной проблемой турецко-американских отношений остаётся курдский вопрос. Неудивительно, что за эти несколько лет (особенно после 2003 года) в самой Турции восприятие Соединённых Штатов Америки – как среди широкой общественности, так и среди правящей – приобрело негативную окраску. С конца сентября 2007 года боевики из Рабочей Партии Курдистана устроили несколько терактов на турецкой территории, в результате чего были убиты 30 военнослужащих и мирных жителей, а всего за лето 2007 года от рук боевиков погибли около 100 человек. Всё это вызвало возмущение в турецком обществе, поскольку правоохранительные органы страны так и не смогли поймать нападавших боевиков, несмотря на то, что антитеррористическая операция на юго-востоке Турции проводилась силовиками ещё с июня 2007 года.

Турецкий премьер-министр Р.Т.Эрдоган сначала провёл совещание с лидерами правящей Партии Справедливости и Развития. После этого в резиденции президента А.Гюля состоялся «антитеррористический саммит», на котором вместе с Р.Т.Эрдоганом, присутствовал, глава Генштаба генерал Яшар Бейюканыт – влиятельная фигура среди турецких политических элит, который давно продвигал идею о наземной военной операции против иракских курдов. Сразу же после этой встречи Р.Т.Эрдоган заявил, что правительство Турции одобряет идею военного удара по курдам. Военные разработали четыре варианта операции в Северном Ираке. Первый вариант предполагал силами армейского корпуса продвинуться на глубину 5-10 километров и взять под свой контроль приграничную территорию. Согласно второму

варианту, спецназ Турции при поддержке вертолётов должен был проводить «точечные операции» на севере Ирака. Должны были быть уничтожены базы курдских боевиков, а пленные доставлены на турецкую территорию. Третий сценарий предусматривал массированную бомбардировку горного хребта Кандиль, где, по данным спецслужб, располагались основные базы боевиков РПК. Четвёртый вариант, который турецкие СМИ называли наиболее приемлемыми для властей, предполагал проведение наземно-воздушной операции в Северном Ираке. Этот план позволил бы войскам с минимальными потерями и в короткий срок достичь поставленных целей и вернуться обратно в Турцию.

Эксперты отмечали, что курдских боевиков насчитывается не более чем 4,5 тысяч. Однако, несмотря на свою немногочисленность, они имели большой опыт ведения боевых действий в горах. Кроме того, на стороне формирований РПК могли выступить бойцы двух влиятельных группировок иракских курдов – Демократической партии М.Барзани и Патриотического союза Дж. Талабани. Между тем газета «The Washington Post» сообщала, что США разработали план по проведению тайной военной операции, в ходе которой планировалось обезглавить движение курдских сепаратистов. Операция должна была якобы проводиться совместно с Турцией. Как отмечало издание, американцы разработав этот план, рассчитывали отговорить Анкару от вторжения в Ирак. Однако эта информация была опровергнута официальным представителем Госдепартамента США Т.Кейси. Другой представитель Госдепа Ш.Маккормак публично предостерег турок от проведения военной операции в Ираке.

С требованием решить возникшие «вопросы» мирно, в рамках дипломатических норм также выступили представители Белого дома и Совета национальной безопасности Соединённых Штатов. Госдеп напомнил Турции о достигнутой в конце сентября 2007 года с Ираком договорённости, согласно которой Анкара обязывалась воздержаться от военных операций на иракской территории. В Вашингтоне опасались, что турецкое военное вторжение приведёт к дестабилизации в Ираке. Тем не менее, иракские власти, осуждая Анкару за частые обстрелы своей территории, никаких реальных шагов против курдских боевиков не предпринимали. Объяснение такой безучастной позиции, возможно, нужно искать в том, что иракский президент Дж.Талабани по национальности – курд.

Таким образом, США оказались в довольно сложном положении. Во-первых, Белый дом явно не хотел ссориться с Турцией – своим ключевым союзником в регионе, через территорию которого, кстати говоря, в Ирак поставляются все основные грузы. Во-вторых, Соединённым Штатам Америки невыгодно было портить отношения и с курдами, договорённость с которыми позволяла американцам не распылять свои войска по всей иракской территории, сосредоточившись на операциях против шиитских и суннитских боевиков.

Интересно, что активизация террористической деятельности курдов совпала с возобновлением дискуссий о превращении Ирака в федерацию с широкими полномочиями региональных властей. Сначала Сенат США большинством голосов одобрил резолюцию (26 сентября 2007 года), согласно которой Ирак предлагалось

условно разделить на три части – суннитскую, шиитскую и курдскую. Затем эту идею поддержал Дж. Талабани – президент Ирака, так как этот план вполне устраивал курдов страны. Категорически против этой идеи выступили в Турции. Анкара выразила опасения, что на севере Ирака образуется независимое курдское государство, что приведёт к росту сепаратизма в соседних турецких районах, где в основном проживают курды. По одной из версий, именно то обстоятельство, что иракские курды могут окончательно отделиться от Багдада, и заставляло Турцию торопиться с военной операцией и окончательным решением вопроса о дальнейшем существовании РПК.

По некоторым данным, для проведения «ограниченной операции» были мобилизованы 10 тысяч турецких солдат; почти 5 тысяч из них были задействованы непосредственно в первые часы вторжения. Туркам же противостояла примерно 4 тысячи вооружённых боевиков, которые действовали небольшими мобильными группами. Под натиском турецкой армии боевики РПК решили сменить тактику. Они заявили, что перенесут боевые действия на турецкую территорию. Один из лидеров РПК – Бахоз Эрдал, призвал проживающих в Турции курдов поднять восстание.

Ещё на стадии обсуждения возможности начала на своей территории военных операций, правительство Ирака дало понять, что расценивает действия Турции «как нарушение своего суверенитета». Турция же, в свою очередь, начиная военные действия, особое внимание уделила дипломатическим тонкостям. Премьер-министр Р.Т.Эрдоган подчеркнул сразу после вторжения, что действия турецкой армии направлены исключительно против террористов и что «братьям-иракцам, гражданским лицам и нашим друзьям бояться нечего».

Некоторые европейские аналитики убеждены, что попытка покончить с курдским сепаратизмом военным путём не имеют шансов на успех. По их мнению, гораздо более эффективным был бы путь интеграции курдов – горных турок – в турецкое общество, чтобы Турция стала им родиной. С другой стороны, европейское стремление всё гармонизировать и приводить стороны к видимому согласию в случае с Турцией может не сработать. Совсем неочевидно, что, получив больше свобод, курды захотят остаться в составе Турции, и не будут угрожать территориальной целостности государства. Вооружённую борьбу они ведут на протяжении вот уже более 20 лет. За это время её жертвами стали 37 тысяч человек. Турция решила действовать сегодня силой. Это не менее важный аргумент в борьбе против терроризма и его последствий.

Подводя итоги ближневосточной политики Турции и США, мы можем высказать следующее: Иракская война (и первая, и вторая) придала ещё большую силу процессу глобализации, сопровождаемому обостряющейся борьбой с силами антиглобализма. При «реформировании» Ирака глобалисты скорее всего будут продолжать играть на межгосударственных, так и на этнорелигиозных, в том числе внутрииракских противоречиях. Это может происходить в границах Ирака и Турции, а также в пределах всего этногеографического т.н. «Курдистана», включённого ныне в границы «Большого Ближнего (Среднего) Востока». После иракского кризиса он

стал отождествляться американцами с расширенной «зоной стратегической ответственности» Центрального командования США.

При сохраняемой спорности установленных в прошлом веке рубежей, одновременно будут усиливаться и дезинтеграционные процессы. Активность курдских группировок, с одной стороны, способствует разжиганию межрелигиозной розни в Северном Ираке, население которого отличается поликонфессиональностью, а с другой – усиливает центробежные тенденции, которые представляют ещё большую угрозу в условиях его расчленения на три зоны.

В начале века настораживал и такой принцип «раздела» Ирака, при котором курдский автономный район, граничащий с Турцией, мог быть передан под контроль смешанного европейского континента. Особенно вопрос о Киркуке становился главным камнем преткновения в турецко-иракско-курдских отношениях, тем более, что нефтепровод Киркук – Джейхан обеспечивает выход иракской нефти именно через турецкое Средиземноморье на мировой рынок.

Курдская проблема приобретала в этнографии иракского кризиса гораздо большее значение, чем, например, при свержении режима талибов в Афганистане. Нерешённость этнических проблем создаёт большие проблемы в обеспечении территориальной целостности, будь то в Палестине, Израиле, Ираке или Турции.

Борьба там с терроризмом или сепаратизмом с религиозной или другой окраской чаще всего не ограничивается границами одного государства. Она не может определяться и какими-то временными рамками, измеряемыми годами или даже десятилетиями. Так было и в Афганистане. На десятилетия уже затянулся кризис в Заливе. В него в разной мере оказались втянуты все государства региона. Ни «Буря в пустыне», ни возобновившаяся через 12 лет после неё война в Ираке так и не приблизили решение тех этнических и национальных, территориальных и пограничных проблем, которые принято обычно относить к «этнографии войны».

Под «воздушным зонтиком» и политическим покровительством Соединённых Штатов курды автономного района Ирака взяли курс европеизации и сотрудничества с политическими элитами Западной Европы и США. Но сотрудничество это никак нельзя отнести к конструктивным тенденциям в регионе Ближнего Востока.

После войны в Ираке и в ходе его «реформирования» геополитическая связка Турции с Северным Ираком могла бы стать сложной головоломкой, как для США, так и для Европейского Союза. От её решения в значительной мере будет зависеть не только успех послевоенного устройства Ирака. Вызывало серьёзное сомнение, что иракские курды удовлетворятся предоставляемой свободой в отводимых им границах; иракские курды, могли бы добиться сохранения, по меньшей мере, автономии в федеральном Ираке, как возможного образца в будущем и более широкой федерации. Это неминуемо вызывало бы дальнейшее обострение отношений Турции с США и НАТО. Вашингтон в связи с этим мог бы оказаться перед трудной дилеммой: как сохранить обретённого в ходе Иракского кризиса едва ли не единственного союзника в лице курдов, без нанесения ущерба стратегическому партнёрству с Турцией, тоже пока единственным мусульманским союзником Соединённых Штатов по

НАТО на Ближнем Востоке.

В целом, масштабное и исключительное военное присутствие США в Персидском заливе, а также фактически монопольное обладание ими мощным потенциалом ведения боевых действий на большом удалении от национальной территории открывают перед США широчайшие возможности принимать нужные политические решения.

Опубликованные соответственно в феврале, апреле, мае 2010 году и в феврале 2011 года официальные доктринальные документы, определяющие в главных чертах военно-политическую стратегию администрации Обамы: «Четырёхгодичный военный обзор» (Quadrennial Defence Review), «Обзор ядерной политики» (Nuclear Posture Review), «Стратегия национальной безопасности» (National Security Strategy) и «Национальная военная стратегия США» (The National Military Strategy of the United States of America) – от начала до конца пронизаны идеей безраздельного лидерства США в мировых делах, опирающегося на американскую военную мощь и политику с позиций силы. В этом отношении то, что сегодня стало называться «доктриной Обамы», мало чем отличается от предшествовавшей ей «доктрины Буша», как и от появившихся в США ещё на рубеже XIX и XX веках империалистических доктрин «мира по-американски» - Pax Americana.

Американские военные расходы, в особенности после 2001 года, постоянно растут и составляют сегодня, представленного Обамой в январе 2010 года в Конгресс США проекта бюджета на начинающийся 1 октября 2011 финансовый год, без малого 50% мировых трат на эти цели, а именно 711 млрд. долл. в год при оценке военных ассигнований всех стран мира в 1472,7 млрд. долл. Если прибавить сюда и военные расходы союзников США, то общая сумма достигнет 1150 млрд.долл., или 81 % мировых расходов.¹

Террористические акты 11 сентября 2001 года во Всемирном торговом центре в Нью-Йорке означают наступление новой эпохи. Запад своими попытками насильственно привить свои ценности всему миру вызывает реакцию отторжения. В условиях конфликтов, в которых как знамя используются религии (события 11 сентября 2001 года, индо-пакистанский конфликт, религиозные столкновения в Нигерии, израильско-палестинская война), межконфессиональная встреча в Ассизи (24 января 2002 г.) ставит перед собой задачу опровергнуть тезис о конфликте цивилизаций и возврате к религиозным войнам. Таким образом, события 11 сентября 2001 года послужили катализатором ускорения уже существовавших тенденций, отражающих новый мир.

2.2. Место Кавказского региона в турецко-американских отношениях

Образование новых независимых государств на Кавказе по окончании «холодной войны» подняло значение Анкары, но вместе с тем и создало для неё серьёзные

¹ Нынешний потенциал военных сил США – «ядерная триада», составными частями которой являются межконтинентальные баллистические ракеты (МБР), стратегические подводные лодки (ПЛАРБ и БРПЛ) и стратегические тяжёлые бомбардировщики (ТБ).

риски. Крах СССР избавил Турцию от советской/ российской опасности, однако в то же время создал на её границах вакуум силы.

Появление новых независимых государств к северо-востоку от границ страны открывало перед Турцией новые возможности, но они же стали для неё источником потенциальных и вполне очевидных опасностей. Новую роль, которую Турция могла играть в регионе, широко обсуждали не только в стране, но и на Западе. Там хотели побудить «новые независимые государства принять для себя новую модель», в которой демократия сочетается с либеральной экономикой. В ходе этих дискуссий постоянно упоминали о глубоких исторических, культурных, этнических и языковых связях Турции с новыми независимыми государствами Евразии.

Сама Анкара отнеслась к этим переменам несколько настороженно: ведь в послевоенный период её внешняя политика и вся стратегия обеспечения безопасности страны основывалась как раз на том, что географическое соседство с Советским Союзом делало её стратегически важной для США. С другой стороны, с образованием в Восточной Европе либеральных демократических государств Западная Европа получила буферную зону между собой и Россией, в то время как Турция «по-прежнему ощущала угрозу из-за непредсказуемой ситуации, сложившейся в непосредственной близости от её границ». В ситуации, когда Турции приходилось всё больше задумываться о своём месте в новом миропорядке, появление на её кавказских границах новых независимых государств воспринималось как «вызов и как источник серьёзного беспокойства». Когда горбачёвская политика гласности и перестройки приоткрыла закрытую советскую систему и появилась возможность устанавливать отношения с отдельными советскими республиками, политика Турции была направлена, прежде всего, на то, чтобы избежать впечатления, будто «она стремится хоть как-то подорвать целостность СССР».

Позднее турецкая политика в регионе претерпела кардинальные перемены. В результате, она первой признала независимость новых государств.¹ После этого Турция подписала с каждым из них (кроме Армении) протоколы об установлении дипломатических отношений на уровне послов.² Итак, к концу 1991 года она полностью отказалась от политики «исключительной ориентации на Москву» и взяла курс на активное развитие отношений с государствами – преемниками СССР.

Что же касается США, то интересы этой державы на Кавказе были довольно определёнными. Первым шагом стало установление дипломатических отношений и открытие посольств США в новообразованных государствах. В 1992 году Соединённые Штаты Америки начали осуществлять свою главную программу – Freedom Support Act (Акт о Поддержке Свободы), призванной удовлетворить потребности евразийских стран в гуманитарной сфере, в вопросах демократии, создании рыночной экономики, инвестициях и др. США также в своей региональной политике надеялись на сотрудничество со стороны Турции, ближайшего соседа кавказских

¹ Независимость Азербайджана Турция признала 9 ноября 1991 года. 14 января 1992 года были установлены азербайджано-турецкие дипломатические отношения.

² Посольство США в Баку открылось в 1992 году.

республик.

На первых порах формирование более тесных связей стимулировалось в основном культурной, языковой и/или религиозной близостью. Тем не менее, новая региональная политика Анкары основывалась не столько на чистой риторике или «сентиментальных мотивах», сколько на прагматических экономических и внешнеполитических расчётах. Прежде всего изменившаяся международная обстановка недвусмысленно требовала от Турции более активной роли в регионе. Она «внезапно оказалась в самом центре нового политического и экономического конгломерата». Было ясно, что Анкара способна сыграть активную роль в установлении связей между новыми независимыми государствами Центральной Азии и Кавказа с Западом, особенно США.¹

Эта роль предполагала и усилия по налаживанию регионального сотрудничества таких институтов, как Организация Черноморского Экономического Сотрудничества. С другой стороны, от укрепления связей с новыми независимыми государствами Турция рассчитывала получить существенные экономические выгоды. Возможности для регионального сотрудничества в этой сфере были весьма значительны, и при мощной государственной поддержке турецкий частный сектор стал предпринимать всё более активные шаги по использованию экономического потенциала региона. Ожидали также, что тесные связи с данным регионом придадут ей больше веса в региональной и глобальной политике. Ко всему прочему это ожидание основывалось и на вере в то, что значение Турции должно было ещё больше вырасти из-за её общепризнанной репутации страны светской и успешно строящей демократию и в этом качестве способной послужить моделью развития для бывших советских республик.

Турция также собиралась усилить свою роль в регионе, США всеми силами стремились представить её привлекательную модель для постсоветских стран, опасаясь роста исламского фундаментализма среди мусульман Евразии, в условиях вакуума, образовавшегося после распада Советского Союза. Как отмечала газета «Таймс» от 17 февраля 1992 года, «боязнь распространения идей фундаментализма в Центральной Азии заставила Вашингтон поддержать политику Анкары в отношении этого региона». Этому вопросу уделила внимание и «Дейли телеграф», процитировав 22 февраля 1993 года тогдашнего государственного секретаря Соединённых Штатов Америки Джеймса Бейкера, который убеждал Туркменистан «последовать примеру Турции, а не Ирана». Таким образом, под влиянием растущей уверенности в собственном потенциале и в политической поддержке США Анкара была готова использовать экономические и политические возможности, открывавшиеся в новых независимых государствах Евразии. После серии визитов региональных лидеров в Анкару, премьер-министр Турции С. Демирель совершил (апрель 1992 г.) поездку по этим странам и предложил им импортные кредиты и займы на общую сумму 1,1 млрд. долларов. Тогда же были подписаны протоколы о сотрудничестве в сферах

¹Уже весной 1992 года С. Демирель предложил Западу, услуги Турции, как канала, по которому в новые постсоветские государства Центральной Азии и Кавказа могли бы поступать денежные средства и идеи. Это предложение он изложил в развёрнутом документе, представленном президенту США Дж. Бушу - старшему.

культуры и экономики, что стало беспрецедентным вызовом российским интересам в регионе. Также обсуждалась возможность обучения военного персонала кавказских стран.

Турция также активно лоббировала строительство газо- и нефтепроводов, которые позволили бы поставлять на мировой рынок энергоресурсы стран Каспийского региона через её территорию. Уже к середине 1992 года Анкара сделала «смелую заявку» на политическое, финансовое, культурное, военное и экономическое влияние на Южном Кавказе.

Однако скоро стало ясно, что Турция отнюдь не единственный игрок, устремляющийся заполнить вакуум силы в регионе. Напротив, соперничество за влияние на Кавказе превратилось в «большую игру», и каждый её участник – Российская Федерация, Иран, США и Турция – решительно намеревался стать в ней ключевым игроком. Каждое из государств, добиваясь влияния в регионе, преследовало собственные цели, а их соперничество охватывало экономические, политические, идеологические и религиозные аспекты, тая в себе широкие возможности для расширения конфликта.

Возможность военного противостояния с Тегераном или с Москвой вызывала у Турции серьёзную озабоченность. Она опасалась, что Иран попытается повлиять на восприятие своей идентичности мусульманами по всему Кавказу (и Центральной Азии), это же беспокойство разделяли Соединённые Штаты. Иран, со своей стороны опасался, что активность Турции в Азербайджане приведёт к появлению на его северных границах пантюркистского объединения под гегемонией Турции. Поэтому развернувшееся соперничество можно кратко охарактеризовать как соперничество двух противостоящих моделей политического развития тюрко-мусульманских народов Евразии: светской модели с её политическим плюрализмом, воплощаемой Турцией, и исламистской модели, которую поддерживал Иран. Иран считал усиление Турции на Кавказе угрозой фактором.

Тегеран беспокоился из-за сотрудничества Турции с США в решении армяно-азербайджанского Нагорно-Карабахского конфликта – в этом сотрудничестве он видел попытку проложить путь к «росту американского присутствия в регионе».

Увязнув в соперничестве с Ираном за значимую роль на Кавказе, Турция в то же время не желала тревожить Москву признаками слишком большого влияния. Москва, которая на первых порах после распада СССР не имела ясной политики, вскоре начала проявлять пристальный интерес к региону, обозначив его новым термином «ближнее зарубежье». После короткого периода самоизоляции Россия приняла меры, чтобы восстановить своё место доминирующего игрока в регионе. Эти меры быстро поставили Москву и Анкару по разные стороны «линии противостояния» на Кавказе.

Несмотря на то, что Турция старалась избегать любой вовлечённости в конфликты на Кавказе, шаги её по установлению более тесных отношений со странами региона вынуждали её соперников задаваться вопросом: не стремится ли она к региональной гегемонии и/или к возрождению прежних пантюркистских союзов? И хотя

турецкие лидеры неоднократно утверждали, что страхи по поводу возрождения пантюркизма беспочвенны, соседние государства не спешили расставаться со своими подозрениями.

Правда, Турция пыталась сформировать надёжную зону влияния во всём регионе и вскоре Анкара переключила своё внимание на Южный Кавказ – регион, обещающий больше возможностей для партнёрства. Дополнительным стимулом к более активному участию в делах данного региона послужил, помимо географической близости, соблазн Каспийских энергоресурсов, которые необходимо было доставлять на рынки Запада. Наконец, Южный Кавказ представлял для Турции специфический вызов, обусловленный проблемой межэтнических конфликтов: стало ясно, что позиции Анкары в регионе будут определяться её реакцией на местные этнические и национальные конфликты. В этом отношении в первую очередь надо отметить отношения Турции с Арменией, которые были сложным вопросом из-за наследия взаимного недоверия между обеими странами и народами, а также исторического багажа, от которого они не сумели освободиться. Хотя 16 декабря 1991 года Турция признала независимость Армении, без каких бы то ни было предварительных условий, вопрос о границах между ними немедленно стал источником противоречий: Ереван упорно отказывался признавать границы, установленные в соответствии с мирным договором 1921 года между Турцией и Армянской Республикой в недолгий период её независимости. Российско-турецкий договор 1921 года также содержал пункт о признании всех границ между РСФСР и Турцией. После распада Советского Союза у Турции больше не было общей границы с Россией, и парламент Армении заявил, что не признаёт границ, установленных Москвой. В результате, весной 1992 года Анкара заявила, что прекращает все шаги по развитию нормальных дипломатических отношений с Ереваном до формального признания существующих границ, зафиксированного в соответствующем документе. Помимо проблемы границ напряжённость в отношениях между двумя странами порождается ссылкой на т.н. «геноцид армян Османской империей в 1915 году» и усилиями армян добиться международного признания «геноцида армян». Хотя тогдашний президент Армении Л.Тер-Петросян, понимая необходимость развивать отношения с Турцией на реальной основе, не вносил этот вопрос в официальную повестку дня и сохранял возможность для контактов, ситуация на Кавказе, т.е. «Карабахская проблема» не позволила этим отношениям развиваться. С точки зрения Турции, конфликт представлял собой недопустимое развитие событий с опасными последствиями. Турецкое общественное мнение настоятельно требовало от правительства решительно встать на сторону Азербайджана, даже прямо вмешаться в конфликт. Но правительство не поддалось этому давлению и предпочло мобилизовать международное осуждение армянской агрессии. Турция также продемонстрировало понимание важности «американского фактора» для разрешения конфликта и стремилось к сотрудничеству с Соединёнными Штатами, особенно в рамках ОБСЕ. Турция сумела избежать участия в военном конфликте. На протяжении всего конфликта политика Турции была направлена главным образом на то, чтобы политическими средствами предотвратить разрастание этого регионального конфликта до масштаба, при котором он трансформировался бы в серьёзную угрозу безопасности Турции.

С приходом к власти в Армении в марте 1997 года Т.Кочаряна возобновление контактов между Турцией и Арменией оказалось отложенным на неопределённое время. Подписание между Арменией и Россией «Соглашения о дружбе и сотрудничестве» (1997 г.), а также размещение на территории Армении российских войск развело Ереван и Анкару по двум противостоящим друг другу неофициальным политическим союзам, сложившимся на Кавказе: с одной стороны, это Российская Федерация, Армения и Иран, с другой – США, Азербайджан, Грузия и Турция.

Что касается Азербайджана и Турции, то первый с самого начала возглавлял список стран, с которыми, по прогнозам любого эксперта по Кавказу, после окончания «холодной войны» Турция должна была установить самые тесные отношения. Эти предположения оказались справедливыми, и контакты, между Анкарой и Баку стали развиваться буквально на глазах: сказались как культурные, языковые, исторические связи, так и общие экономические, политические и стратегические интересы.

С приходом к власти в Азербайджане Гейдара Алиева, сфера турецко-американского сотрудничества расширилась. К тому же политика Г.Алиева, который старался не допустить изоляции России и Ирана в регионе, но в то же время твёрдо придерживался курса на сотрудничество с Западом, «помогла Анкаре ослабить конфронтацию с Москвой, Тегераном и Ереваном». Эта же модель отношений сохраняется и после прихода к власти в Азербайджане Ильхама Алиева, президентство которого как залог сохранения стабильности в стране с одобрением встретили и Турция и США.

Выступая на открытии саммита тюркоязычных государств в Стамбуле 15-16 июля 2010 года, президент Турции Абдулла Гюль высоко оценил интеграционные процессы в рамках сотрудничества этих государств. «Хотя география наших стран располагает большими возможностями для сотрудничества, но в нашем регионе существуют и проблемы, которые требуют своего решения. С этой целью сотрудничество наших стран важно для нашего региона в вопросе установления мира и стабильности».

После окончания «холодной войны» и распада СССР Грузия также стала одним из главных и наиболее плодотворных направлений турецкой внешней политики. Быстрому развитию их двусторонних связей способствовала решительная оппозиция Грузии российскому доминированию на Кавказе, её поддержка проекта нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан и готовность сотрудничать с Анкарой по самому широкому спектру проблем, от туризма до безопасности. Турция, со своей стороны, стремилась укреплять дружественные отношения, была готова расширять свою экономическую, политическую и военную поддержку Грузии, способной послужить для Анкары плацдармом на Кавказе и воротами в Центральную Азию. Кроме того, Турция, начав с сотрудничества в организации военного образования, далее в рамках программы НАТО «Партнёрство ради мира» предложило Грузии консультации и помощь в становлении национальной армии. Следующим шагом стало сотрудничество в восстановлении аэродрома в Марнэули и военной базы Вазиани, после того как оттуда были выведены российские военные контингенты. Эти факты были ра-

дужно приняты и США.

Когда после событий 11 сентября 2001 года Грузия вновь подверглась российскому давлению, на сей раз по обвинению в том, что она представляет убежище чеченским боевикам, - Турция при поддержке США, опять выступила в поддержку Грузии. Таким образом, прозападная ориентация Грузии была окончательно закреплена с прибытием в эту страну военных советников Соединённых Штатов Америки. Наряду с четырёхсторонним турецко – американо – грузино – азербайджанским сотрудничеством в сфере безопасности, это привнесло новые аспекты как в двусторонние отношения, так и в более широком масштабе в кавказскую геополитику в целом.

Одна из особенностей Каспийского региона заключается в том, что страны, больше всего заинтересованные в разведке и транспортировке нефти и природного газа, не имеют выхода к морю и при экспорте своей нефти целиком зависят от доброй воли соседей. В общем русле своих геополитических расчётов в бассейне Каспия, Россия настаивала на том, чтобы главным маршрутом для транзита нефти из этого региона служил северный трубопровод, проходящий от Баку до её черноморского порта Новороссийск. В случае успеха, такой вариант, безусловно, обеспечил бы Москве «монопольный стратегический контроль над ресурсами региона». США и Турция, а также Грузия и Азербайджан предпочитали маршрут, ведущий через территорию Грузии к турецкому порту Джейхан на Средиземном море, и не уступили требованиям России. Разрабатывались и другие проекты транспортировки каспийских энергоресурсов к местам сбыта, но основная конкуренция разгорелась между этими двумя маршрутами. Вопрос был не только в доходе от транзита нефти и газа, который могли извлекать страны, по чьей территории проходили бы трубопроводы, ещё важнее, что «трубопроводная сеть – один из решающих факторов обеспечения и сохранения влияния в масштабах всей Евразии».

Следует отметить также, что американские частные нефтяные компании были наиболее заинтересованы в работе с Азербайджаном. Работа американских нефтяных инвесторов была нелёгкой, учитывая острое соперничество с British Petroleum за доступ к нефтяным месторождениям Азербайджана, и недостаток доверия, усилившегося в связи с 907-й поправкой.¹ Однако с приходом к власти Гейдара Алиева ситуация после длительных переговоров изменилась.

20 сентября 1994 года Гейдар Алиев и консорциум главных нефтяных компаний собрался в Баку на церемонию подписания контракта по эксплуатации нефтяного месторождения Азери-Чыраг – Гюнешли, названного местными аналитиками - «Контракт века». Это положило начало официальному американскому присутствию в регионе. Был заключён 21 нефтяной контракт с 33 компаниями пятнадцати государств. В эту отрасль были вложены инвестиции на 60 млрд. долларов США. «Кон-

¹ В 1992 году были введены санкции против Азербайджана из-за конфликта с Арменией в связи с войной в Нагорном Карабахе. Это нашло своё отражение в законе (пункт 907 Акта о поддержке Свободы - «Freedom Support Act»). Акт запрещал гуманитарную помощь США Азербайджану. В этом вопросе произошло редкое совпадение позиций США и Ирана. Однако, под давлением «нефтяного фактора» с 1995 года Конгресс начал смягчать антиазербайджанские санкции, а клинтоновская администрация интенсифицировала контакты с Баку.

тракт века” стал политическим и экономическим прорывом Азербайджана в XXI век. В 1995 и 1996 г.г. были подписаны новые контракты по разработке нефтяных и газовых месторождений «Карабах» и «Шахдениз» в азербайджанском секторе Каспийского моря. Всё это создало реальные возможности для привлечения крупномасштабных зарубежных инвестиций в нефтяную индустрию Азербайджана. Оно создало основу и для деятельности транснациональных нефтяных компаний, занятых в нефтяной сфере.

Первичные нефтяные запасы на участках «Азери», «Чырыг», «Гюнешли», охватываемых «Контрактом века», оценивались в 511 млн.тонн., в результате бурения было установлено, что они составляют 640 млн. тонн., а запасы попутного газа – 100 млрд. кубометров. Предполагаемые инвестиции предусматривались в размере 10 млрд. долл.

Для реализации «Контракта века» была создана азербайджанская международная операционная компания.

Такое активное сотрудничество между правительством Азербайджана и деловыми кругами США усилило интерес Вашингтона к Азербайджану. Американская внешняя политика в отношении региона в большей степени была основана на энергетической заинтересованности. Кроме того, столь крупная и влиятельная компания, как АТОСО, имела свои голоса в Конгрессе и управляла финансовыми рычагами.

С января 1995 года правительство США предоставило неограниченную поддержку проекту турецкого маршрута транспортировки каспийских нефти и газовых ресурсов, объясняя это не только необходимостью обеспечения региональной безопасности, экономической независимости и развития торговли, но и «огромным значением проекта для турецко-американских отношений в период после «холодной войны». В 1998 году растущие обязательства администрации президента Б.Клинтона проявились в обнаружении инициативы по Каспийскому бассейну, которая была представлена Каспийским Финансовым Центром в Анкаре с целью скоординировать действия экспортных финансовых агентств в регионе. Одновременно был создан пост спецсоветника. Затем администрация способствовала тому, чтобы президент Турции и другие региональные лидеры в октябре 1998 года подписали Анкарскую Декларацию в поддержку проекта трубопровода. Это событие предшествовало церемонии подписания Турцией и другими заинтересованными прикаспийскими государствами (США, Азербайджан, Грузия, Туркмения и Казахстан) Стамбульского протокола в ноябре 1999 года.

Промышленная эксплуатация трубопровода Баку-Тбилиси-Джейхан началась в 2005 году (азербайджанской части) и главным результатом её стало ослабление транспортной зависимости в первую очередь Каспийского региона от России. Турция, Азербайджан, Грузия вышли на рынок как новые конкуренты Российской Федерации в международной торговле нефтью и газом, что дало им возможность использовать полученные средства для усиления политической независимости от Кремля. Роль же западных государств, чьи нефтяные и газовые компании обеспечивают необходимые инвестиции, растут, как и роль Турции.

2.3. Центральназиатская политика Турции и США

Внешнеполитическая стратегия США в 90-ые г.г. XX века в отношении стран Центральной Азии основывалась преимущественно на геополитических соображениях, прямооточном подходе, учитывающем собственные стратегические приоритеты и интересы. Данные подходы обуславливались широким набором элементов взаимоотношений с Россией, Китаем, Ираном, а также Турцией.

США в отдаленной перспективе хотели видеть Центральную Азию в сфере своих жизненных интересов, однако, в 90-ые г.г. XX века, с учетом существующих реалий, Вашингтон стремился не допустить появления государств, которые, в силу своего потенциала обнаружившихся политических тенденций, могли бы ограничить или ослабить влияние США, подразумевая под данными странами, скорее всего Российскую Федерацию, Китай и Иран. Поэтому США начали поощрять активность Турции в регионе, в первую очередь, через призму транспортировки энергоресурсов в турецком направлении. Это в определенной степени обуславливалось следующими причинами: внутривполитического характера – сложная ситуация в самой Турции, возможность усиления позиций здесь клерикальных сил, ослабления прозападной ориентации; геостратегического – рассмотрение Турции, как одного из надёжных союзников США в евроатлантической кооперации, в том числе и НАТО, попытки закрепить за Анкарой роль ключевого государства в регионе проводника политики Вашингтона.

В определенной степени, политика США в регионе являлась заложником противоречивости внутренних тенденций, развивающихся в политикоинформирующих кругах самих Соединенных Штатов Америки. С одной стороны, в США были сильны позиции тех сил, чьи подходы основывались на прямооточной оценке выгоды или невыгоды для страны каких-либо действий за рубежом. С другой, - в Соединенных Штатах Америки, как в государстве, считающем себя оплотом демократии в мире, большое влияние имеет либеральный подход, основанный на стремлении поддержать, расширить демократические ценности повсеместно, построить отношения с внешним миром исходя из принципа т.н. «демократического стандарта». Данные подходы порой странным образом находят свое отражение во внешнеполитической стратегии США. Это обстоятельство нередко вызывало справедливые международные обвинения и критику в адрес Вашингтона (политика «двойного стандарта»).

После крушения Советского Союза Турция стала настойчиво рекламировать собственную модель политического развития и социальной модернизации в качестве подходящего эталона для центральноазиатских государств.

Целый комплекс как внутренних, так и внешних проблем, в первую очередь, в отношениях с соседними странами, свидетельствует, что центральноазиатский вектор политики Анкары призван способствовать решению приоритетных внешнеполитических задач, стоящих перед Турцией. На современном этапе основным аспектом активности Турции остается ее стремление стать полноправным членом западного

сообщества, а в настоящий период времени – войти в состав Европейского Союза. Политическая линия Турции в регионе во многом (хотя не в первую очередь) обуславливается ее желанием укрепить свой международный имидж, наглядно показать Западу целесообразность своей посреднической роли в Центральной Азии, доказать необходимость своего включения в западные структуры, в первую очередь ЕС. Данные выводы также можно сделать на основании заявления бывшего председателя турецкого правительства Б.Эджевита, в котором среди приоритетных направлений внешнеполитического курса названы: укрепление трансатлантической кооперации, связей с США и НАТО, интеграции в ЕС и развитие всесторонних отношений с регионом Центральной Азии.

Уже осенью 1991 года состоялись официальные визиты в Турцию президентов Казахстана, Туркменистана, Узбекистана, Киргизии, в результате которых были подписаны серия соглашений в сферах политики, экономики, торговли, коммуникаций, подготовки кадров. Установление прямых политических контактов, обмен визитами на высшем уровне (в мае 1992 года премьер-министр Турции С.Демирель во главе весьма представительной делегации посетил тюркские республики Средней Азии) способствовали оживлению экономических связей. Турецкие деловые люди осознав, что новая политическая ситуация значительно расширяет возможности для бизнеса устремились в Центральную Азию, где они обоснованно увидели большие перспективы для сбыта турецких товаров и получения сырья. По государственной линии наряду с поощрением торгово-экономического сотрудничества стало придаваться большое значение организации широкомасштабного культурного проникновения в регион на основе этнической и религиозной общности. США всячески поощряли эти устремления Турции.

Создание Турцией в 1992 году Объединения тюркоязычных государств и предоставление в минувшие годы странам региона 1,5 миллиарда долларов из-за их прагматичной политики также не принесли желаемого результата. Однако, несмотря на это, Турция сумела стать достаточно авторитетной страной региона, снискавшей симпатии населения. В настоящее время турецкие деловые люди ведут серьезную конкуренцию с Китаем на рынке товаров легкой промышленности и повседневного потребления и сохраняют свои ведущие позиции в данной области. Кроме того Турция взяла верх над Россией и Ираном в возрождении Великого Шёлкового пути, создания транспортно-коммуникационных и энергетических коридоров Запад-Восток. Решающую роль в этом деле сыграла поддержка Запада и США.

С тюркской солидарностью Турция связывала немалые надежды в деле продвижения своих внешнеполитических намерений. Например, в ответ на признание независимости тюркских республик Турция надеялась получить признание Северного Кипра. Однако на Анкарском совещании глав государств и правительств Азербайджана, Казахстана, Киргизии, Туркменистана, Узбекистана и Турции (октябрь 1992 года) центральноазиатские республики отказались сделать какое-либо совместное заявление по этому поводу. Не пошли они и на подписание совместного заявления в поддержку Азербайджана против агрессии Армении, а также в связи с событиями в Боснии и Герцеговине. Таким образом, эйфория 1991 – начала 1992 г.г.

в отношении турецко-американских перспектив в этом регионе оказалась преждевременной. После 1992 года интеграционные процессы в Центральной Азии, особенно отношения этих республик с Турцией и США, начали обретать тенденцию к развитию больше на двусторонней, нежели на региональной основе.

В отличие от стран региона (Иран, Пакистан и пр.) Турцию в её деятельности в Центральной Азии отличала не только наибольшая энергичность, но и тесная увязка с интересами и планами США. В официальных кругах США, НАТО, стран Западной Европы заявлялось о том, что Турция «рассматривается как форпост Запада в Центральной Азии» против проникновения туда «исламского фундаментализма» и как «средство продвижения нужной Западу модели экономического либерализма и политической демократии». В связи с этим и в США, и в Европейском сообществе приступили к пересмотру планов экономических дотаций Турции в сторону их увеличения.

Вместе с тем, беспримерное ухудшение турецко-американских отношений, которое началось в 1998-1999 г.г., начало снижать роль Турции как «моста». В американской печати отмечалось, что первоначальные планы Соединённых Штатов Америки для установления через Турцию контактов с республиками Центральной Азии по различным вопросам «смещаются в сторону прямых двусторонних связей с ними». Американское «безразличие» к турецким планам в Центральной Азии ещё более усилило ухудшение турецко-американских отношений.

В конце 90-х г.г. прошлого столетия традиционный турецкий изоляционизм подвергся кардинальному пересмотру. При планировании политики Турции в сфере безопасности в начале XXI века неизбежно пришлось учитывать напряжённость в отношениях между государствами-преемниками СССР в регионе. Хотя первоначальный подход Анкары к ситуации в Евразии оказался не вполне реалистичным, он задал тон её политике на 90-ые г.г. XX века и на начало XXI века. Турция, может быть, и не стала образцом для новых государств Кавказа и Центральной Азии, но процветающий частный сектор, светский подход этой страны к религиозным проблемам и её действующая демократия сохраняют привлекательность для республик региона. Не удивительно, что на общем фоне ухудшения турецко-американских отношений в 2005-2006 г.г. этот альянс начал активизироваться на нефтегазовых месторождениях Туркмении. В ноябре 2005 года в рамках повышения эффективности разработки нефтегазовых месторождений, госконцерн «Туркменнефть» и турецкий «Чалык Энерджи» заключили контракт стоимостью 240 млн. \$ на выполнение сервисных услуг по бурению скважин. Основным же субподрядчиком проекта выступила компания «Паркер Дриллинг Интернейшл Инк» (США). В соответствии с намеченной программой, выполняемой совместно с бригадами треста «Бурнефтегаз» госконцерна «Туркменнефть», турецко-американский альянс сдал в эксплуатацию 7 газовых скважин на Акпатлавуке. В 2006 году «Чалык Энерджи» и «Паркер Дриллинг Интернейшл Инк» расширили географию партнёрства, подключившись к освоению природных ресурсов новых перспективных структур на юге Туркмении.

Итак, появление на Кавказе и в Центральной Азии новых независимых государств стало поворотным моментом в определении места Турции в регионе и её от-

ношениях с Соединёнными Штатами Америки. Анкара стала одним из важных игроков в регионе, в котором прежде пользовалась малым влиянием и не играла активной роли. Естественно, что Турция продолжит усилия по формированию новых сетей взаимозависимости, связывающих Анкару с государствами Кавказа и Центральной Азии.

Таким образом, проделанный анализ свидетельствует, о том, что Центрально-азиатская политика со стороны Турции будет оказывать всевозрастающее влияние на стратегию США в Центральной Азии. В этой связи представляется, что именно от того, насколько глубоко и адекватно США оценивают присутствие Турции в вышеназванном регионе, как гибко и в каком направлении осуществлять свою линию здесь, во многом будет зависеть не только геополитический облик региона, но и характер процессов на более обширных пространствах Евразии, а также собственно роль США в формирующемся новом мировом порядке.

В мировой истории не было такой благоприятной международной ситуации для Соединённых Штатов Америки, которая сложилась после трагических событий 11 сентября 2001 года, объединивших США и другие государства планеты в борьбе с силами терроризма и экстремизма.

Являясь ведущей политической, экономической и военной державой мира, США стремятся сохранить и упрочить свое глобальное лидерство в долгосрочной перспективе, осознавая наряду с этим растущее значение проблем центральноазиатской безопасности для всего контекста международной стабильности.

Анализ вышеназванных реалий и тенденций мирового развития с ключевой ролью в них США, набирающее темпы в эти годы турецко-американское сотрудничество делают особо важной необходимость изучения стратегии США применительно к другим внешним факторам геополитической ситуации в Центральной Азии. При этом, как представляется, следует принимать во внимание стратегическое воздействие на динамику развития региона, которое может оказать и оказывают Российская Федерация, Китайская Народная Республика, Исламская Республика Иран, Турецкая Республика, Исламская Республика Пакистан, а также ситуация в Афганистане.

Рассмотрение геополитической обстановки в Центральной Азии, взаимовлияния и взаимодействия России, Китая, Ирана, Пакистана, Турции друг с другом и Соединёнными Штатами Америки, в том числе с учетом событий 11 сентября 2001 года и процессов в Афганистане, свидетельствуют, что отношения перечисленных государств в регионе продолжают оставаться сложными по своему характеру.

Во-первых, с одной стороны, налицо определенное сближение позиций Россия, Китая и Ирана, в целом приобретающее антиамериканский, частично антитурецкий характер. В этой связи некоторые аналитики делают прогнозы о формировании так называемой “стратегической российско – китайско – иранской оси” в Евразии, направленной на противодействие попыткам США и их союзников “монополизовать” доступ к политическому и экономическому потенциалу лежащих между названными странами районов Центральной Азии.

С другой стороны, Россия, Китай и Иран заинтересованы в укреплении отношений с США, а также в развитии всесторонних связей с Турцией и Пакистаном. Наиболее ярко данный позитивный геополитический контекст взаимодействия имел место в ходе антитеррористической операции в Афганистане, где стержневым фактором международной солидарности в борьбе с терроризмом стали именно США.

После событий 11 сентября 2001 года можно говорить об устойчивой тенденции роста стратегического интереса к Центральной Азии. При этом именно Соединенные Штаты Америки смогли стать во главе названной тенденции, которая и предопределила успех первого этапа урегулирования ситуации в Афганистане - ликвидации основных баз исламских террористов, движения "Талибан" и создания на основе Боннских соглашений переходного правительства. Дальнейший характер отношений будет определяться фактором развития смежных с Россией, Китаем, Ираном Турцией и Пакистаном регионов, в первую очередь, Центральной Азии как уникального геополитического пространства, где пересекаются интересы перечисленных государств и ведущей мировой державы – США. Во-вторых, политика Ирана, Пакистана, Турции является важным, хотя и не столь существенным, как, например, стратегия США, России и Китая, фактором современной геополитической ситуации в Центральной Азии.

Укрепление позитивной роли Ирана в Центральной Азии неразрывно связано с динамикой внутривнутриполитических преобразований в данной стране, преодолением ее международной изоляции, готовности вести конструктивный диалог по широкому спектру вопросов – региональные конфликты, транспортные проекты, борьба с экстремизмом и другие. В свою очередь, для Пакистана особо важным является продолжение активного участия в диалоге по афганской проблеме с целью долгосрочной стабилизации ситуации в Афганистане. Говоря о Турции, необходимо отметить, что уровень ее влияния в регионе будет во многом зависеть от стремления Анкары реально помочь укреплению политической и экономической систем стран Центральной Азии, их международного имиджа. Это же будет способствовать преодолению возможных кризисов как в европейско-турецких, так и в турецко-американских отношениях, подтверждению международного статуса Турции на пересечении Европы и Азии.

В-третьих, ключевой задачей для США, России, Китая, Ирана, Пакистана и Турции (как и центральноазиатских государств) должна быть выработка совместной стратегии в афганском направлении по долгосрочному урегулированию здесь имеющегося конфликта внешних интересов. При этом необходимо понимать, что именно данный тактический контекст противоречий по поводу Афганистана будет оставаться существенным барьером на пути долгосрочной стабилизации не только в Центральной Азии (или в ее отдельных частях, как Таджикистан), но и на всем евразийском пространстве. Осознание этого факта вышеназванными мировыми и региональными державами, их реальная поддержка инициатив центральноазиатских государств по достижению устойчивого консенсуса вокруг афганского вопроса могут стать решающим моментом в выработке комплекса мер по формированию нового порядка взаимоотношений в Центральной Азии, превращения ее в ключевой эле-

мент развития всей Евразии. Прделанный анализ свидетельствует, что политика в отношении Центральной Азии со стороны России, Китая, Ирана, Пакистана и Турции, а также динамика ситуации в Афганистане будут оказывать все возрастающее влияние на стратегию США в центральноазиатском регионе.

Характер названных процессов вокруг Каспия и Центральной Азии после событий 11 сентября 2001 года свидетельствуют, что США уже внесли и ещё могут внести существенные коррективы в расклад сил и интересов в геополитической ситуации в регионе, в первую очередь, в сторону её дальнейшей стабилизации и смягчения противоречий по линиям возможной конфронтации. Имевший место пример исторически положительной евразийской стратегии Соединённых Штатов Америки, ознаменовавший собой «золотую эру» американской политики в Европе, - «план Маршалла» даёт основание верить в возможность применения США схожих позитивных элементов своего глобального поведения, но уже в центральных районах Евразии. При этом именно Центральноазиатский и Каспийский регионы с важной ролью в них Турции в силу своего геополитического значения и обнаруживающихся тенденций континентального характера мог бы стать локомотивом формирования политической и экономической зоны стабильности во всей Евразии, причём Евразии как партнёра США, а не источника глобальных противоречий.

Вместе с тем, похоже, что в настоящий момент внешнеполитическая активность Анкары становится все менее существенным фактором и для самой Центральной Азии. Пр продемонстрированная в свое время Турцией неспособность оказывать государствам региона достаточную финансово-экономическую и политическую поддержку существенно ограничила ее присутствие в Центральной Азии.

Однако, в целом, турецкая и американская политика в Центральной Азии играет достаточно прогрессивную роль в направлении поддержания геополитического баланса, интегрирования региона в международное сообщество. Отдельные подходы в политике Вашингтона, в частности форсирование уже идущих в большинстве стран региона процессов либерализации, вызывают некоторый скептицизм. Как представляется, идеалистические желания «построения демократий западного образца в короткий срок», бытующее у некоторых представителей политикоформирующих кругов Соединенных Штатов Америки, не учитывают наличия целого ряда угрозы вызовов безопасности в регионе, являются деструктивным для стабильности в Центральной Азии и во всем евразийском пространстве. В этой связи США необходимо следовать намеченному курсу в отношении региона, больше учитывать специфику обстановки здесь, что может существенно укрепить авторитет Вашингтона и Анкары в Центральной Азии. Представляется, что только данная стратегия Турции и США может стать альтернативой конфликтному сценарию развития ситуации в Азии, позволит существенно задействовать весь суммарный и пока не реализуемый потенциал континентальной кооперации, будет иметь прогрессивное значение для региона. Тем более, что реализация проекта транскавказского транспортного коридора, в первую очередь, его нефтегазового элемента, и превращение Турции в перекресток Азии, Европы и Ближнего Востока, все же поддерживает в Анкаре надежду на увеличение в перспективе своего экономического и политического влияния в ре-

гионе, а значит значения для Запада. Названные усилия могли бы стать очередным «золотым веком» в мировой политике США.

В целом, поведение США в Центральной Азии и на Кавказе диктуется общей стратегией, нацеленной на укрепление доминирующего влияния во всех уголках земного шара единственной сверхдержавы. Именно эта стратегия и определяет конкретные задачи в той или иной «стратегической зоне».

*Вступление Турции в Евросоюз
напоминает пересадку органа одного
человека другому, чуждого ему
и биологически несовместимому.
Муаммар Каддафи.*

2.4. Европейская политика Турции и Соединённые Штаты Америки

Турция – составная часть Евразии, что определяет её особое место в международной политической системе. Сегодня, когда геополитическая теорема турецкой политики в глобальном масштабе решается через баланс и противостояние двух ориентаций – атлантической и евразийской, Европа играет важную роль не только во внешней политике Турции, но и в определённом смысле имеет прямое отношение к турецко-американскому сотрудничеству.

Европа сегодня занимает промежуточное положение между азиатской материковой массой и трансатлантическими США. Изменился и этноконфессиональный состав самой Европы. Те, кто считают, что вхождение в Европу – это ответ на все вопросы, жестоко ошибаются. Европа не может и не хочет больше быть лишь совокупностью стран, но пока ещё «не пробудилась как новая демократическая империя». Что касается Турции, независимо от того, войдёт Турция в состав Евросоюза или нет, она должна выстроить с Брюсселем систему сбалансированных позитивных отношений, основываясь на отказе от выполнения антиевропейских функций, заложенных в основу атлантической стратегии.

С другой стороны, окончание «холодной войны», распад организации Варшавского договора и всего социалистического лагеря, углубление политической, экономической и военной интеграции Западной Европы создали условия, при которых Европейское сообщество получило возможность претендовать на роль нового военного и политического центра силы. В связи с этим вступление в эту организацию приобретает особую привлекательность для стран Восточной и Южной Европы. На первом месте стоят не столько экономические выгоды (хотя они играют очень большую роль), сколько приобщение к своеобразному «клубу избранных», что обеспечивает стране-члену ЕС авторитет на международной арене. Не удивительно, что в ЕС стремится и Турция. Отношения с Евросоюзом ещё в начале 60-х г.г. XX века характеризовались получением Турцией статуса ассоциированного члена то-

гдашнего Европейского экономического сообщества, что подразумевало в будущем её принятие в полноправные члены этой организации. Военный переворот 1980 года затормозил развитие двусторонних отношений, нормализация которых началась лишь по мере восстановления в Турции институтов гражданского общества.

В 1987 году Турция подала официальный запрос о полноправном членстве в ЕС, но страны Западной Европы предпочли развивать с ней двусторонние отношения путём создания таможенного союза. Этот союз Турции и ЕС начал функционировать с января 1996 года, однако его эффект многие турецкие бизнесмены и учёные расценили как положительный только для Западной Европы. На состоявшемся в декабре 1997 года Люксембургском саммите Совета Европы, где были рассмотрены вопросы расширения Европейского Союза (ЕС), Турция не была включена в число стран-кандидатов на вступление в отличие от 9 государств Восточной Европы и Кипра. Статус кандидата Турция получила по итогам Хельсинского саммита 1999 года. Так, после многочисленных отсрочек, в декабре 1999 года на заседании Европейского Совета решался вопрос о предоставлении Турции статуса кандидата, и решение было положительным.

Постигший страну в 2000 году валютно-финансовый кризис привёл к тому, что на состоявшейся 11 декабря 2000 года конференции в Ницце страны-члены ЕС фактически отодвинули Турцию на последнее место в списке кандидатов на присоединение к этой организации.

На встрече на высшем уровне в Лаекене в декабре 2001 года ЕС определила Турцию как «страну, чьи перспективы вхождения в союз очень велики». На саммите ЕС 12-13 декабря в 2002 году в Копенгагене было сказано, что Турция может рассчитывать на полноправное членство в ЕС не ранее 2005 года.

Начавшийся в 2004-2005 г.г. кризис Евросоюза, связанный с негативными отношениями значительной части её жителей к общеевропейской конституции, затруднил вступление новых членов в ЕС. Вопрос о членстве Турции в ЕС до сих пор остаётся открытым; поэтому остановимся на причинах задержки этого процесса.

В первую очередь, необходимо выяснить, в чём причина явного нежелания европейцев принимать Турцию, и что побуждает саму Турцию так стремиться попасть в Евросоюз, несмотря на все преграды. Затем понять, какие выгоды может получить ЕС от вступления Турции, и уже потом определить значение данной проблемы для турецко-американских отношений.

Чёткой позиции по вступлению Турции в ЕС в самом европейском сотрудничестве не наблюдается. Существует достаточно сильное оппозиционное движение, в которое входят почти все партии правого толка, европейские консерваторы, такие известные фигуры, как Сильвио Берлускони, Жак Ширак, Хосе Мариа Ансар, Жискара д'Эстен, выступают категорически против кандидатуры Турции. Австрия, Венгрия, Голландия, Дания и Франция – самые активные противники приёма Турции в ЕС. На стороне турок – англичане и итальянцы. Частично «за» испанцы и немцы. Германия считает, что сотрудничество с Турцией (которую Германия рассматривает в первую очередь как партнёра и союзника по НАТО) должно быть

«стратегическим и долгосрочным».

Для новых членов ЕС проблема вступления в ЕС Турции не играет большой роли, так как их больше заботит укрепление собственных позиций. Тем не менее, Польша, Чехия, Словакия к возможному вступлению Турции относятся позитивно, считая, что это будет способствовать поддержанию глобальной стабильности. Особая позиция у Греции, которую вступление Турции в ЕС затрагивает непосредственно. Президент Греции К.Стефанопулос заявил, что Турция не может войти в Евросоюз, если не уладит с Грецией все существующие между ними конфликты. Большое значение греки придают вопросу о принадлежности островов и части берегового шельфа Эгейского моря (где, по предположениям, находятся месторождения нефти и газа). Греция рассматривает наличие своих островов непосредственно у турецкого побережья как своё право на эти воды; Турция же, в свою очередь, настаивает на внутреннем характере Эгейского моря и проведении переговоров, выдвигая требование разграничения шельфа на две равные половины (турецкую и греческую соответственно). Что касается предположения о местонахождении нефти и газа на этом шельфе, греческие и турецкие источники оценивают запасы нефти Эгейского моря в 200 млн.т., природного газа – около 30 млрд. кубометров. Судя по всему, Греция готова использовать вопрос вступления Турции в ЕС для разрешения спорных вопросов в свою пользу. Кипрский вопрос играет не последнюю роль во взаимоотношениях Турции и Греции. В 2003 году Турция потребовала, чтобы греческая часть Кипра была принята в ЕС не раньше, чем будет официально признана легитимность правительства Турецкой Республики Северного Кипра (до сих пор она признана только Турцией). Но в результате референдума,¹ состоявшегося в апреле 2004 года, в Евросоюз была принята только южная часть Кипра.²

Чтобы не обострять отношения с Грецией, Турция пошла на уступки (турецкое правительство опасалось, что при голосовании о вступлении Турции в ЕС, Греция использует своё право вето), и дала согласие на расширение границы Таможенного союза Турции и ЕС с Кипром.

Политическая элита Турции и европейцы с американцами едины в своем мнении, что мусульманские государства должны развиваться в направлении светской демократии. Многие турки отрицательно воспринимали политику правительства Буша, которое рассматривало Турцию как «модель» для распространения демократии на Ближнем Востоке. Представители правящего класса Турции предпочитают более мягкий европейский подход для распространения демократии неоконсервативному методу ее навязывания.

События 11 сентября 2001 года имели противоречивые последствия для решения проблемы членства Турции в ЕС. С одной стороны, это предоставило новые аргументы тем, кто считал вступление Турции в состав ЕС лучшим способом укрепления демократии в исламском государстве. В борьбе против радикального меньшин-

¹ 70% греков-киприотов отказалось объединяться с северной частью Кипра, тогда как население Северного Кипра проголосовало за объединение и вступление объединённого кипрского государства в Европейский Союз.

² Хотя это противоречит соглашениям 1959-1960-х гг.: Цюрихские и Лондонские соглашения 1959 года; соглашение 1960 года.

ства жизненно важно опираться на стабильную светскую мусульманскую демократию. С другой стороны, терроризм давал пищу опасениям тех, кто считал мусульман источником потенциальной опасности и в связи с этим выступал против дальнейшей мусульманской иммиграции и приема в ЕС страны, которая вплоть до середины XXI столетия будет оставаться лидером Евросоюза по численности населения. Эти опасения открыто высказывались на референдумах по проекту европейской конституции во Франции и Нидерландах в 2005 году, а в ходе дебатов даже усилились. Анти-турецкие настроения и осуждение дальнейшего расширения ЕС, подкрепленные беспорядками арабской молодежи во французских пригородах и убийством Тео Ван Гога¹ в Нидерландах, сыграли решающую роль в негативном исходе голосования. С этих пор все опросы лишь подтверждают, что большинство населения в большей части стран Евросоюза выступают против членства Турции в ЕС.

В основе нынешних сложностей, возникающих на пути Турции в «Общий рынок» лежат также экономические и социальные факторы, научно-техническая и технологическая база производства в Турции тоже не совсем отвечает современным требованиям. Хотя несмотря на валютно-финансовый кризис на рубеже 2000-2001 годов, экономика Турции сегодня находится в относительно благополучном состоянии.

В целом, благоприятное будущее турецкой экономике должны обеспечить пять факторов:

- самый низкий средний возраст населения в Европе;
- непрерывный рост уровня образования;
- низкая стоимость рабочей силы (ниже, чем во многих европейских странах)
- возможность экспортировать товары в страны Евросоюза без уплаты таможенных пошлин благодаря соглашению о таможенном союзе;
- стратегическое положение на стыке азиатского, европейского и ближневосточного рынков.

Особое место в турецкой экономике занимает экспорт промышленных товаров. Быстро растёт экспорт Турции в Великобританию.

Сейчас правительство проводит ряд преобразований в турецкой экономике (банковская реформа и среднесрочная реформа налоговой политики). К числу позитивных моментов, проявившихся в последнее время, можно отнести значительный рост импорта, главную часть которого составляют сырьё и полуфабрикаты. Рост импорта в Турции, как правило, тесно связан с ростом ВВП.

ЕС явно не рискнёт принять в свои ряды страну с высоким уровнем безработицы, огромным дефицитом бюджета, диспропорцией территориального социально-экономического развития, характеризующейся тем, что 90% промышленного производства сосредоточено в Стамбуле, Измире и Бурсе. Требования ЕС включа-

¹ Нидерландский кинорежиссёр, телепродюсер, публицист и актёр, был убит в 2004 году, за фильм «Submission» («Покорность»).

ют в себя реализацию одобренной МВФ и ВБ программы структурных реформ, борьбу с инфляцией, прозрачность налоговой политики государства, реформирование аграрного сектора, контроль за государственными дотациями.

Возможно, именно, статус «вечного кандидата» на вступление в ЕС помог Турции достичь весьма высокого уровня экономического развития по сравнению с другими исламскими странами. Ведь Турция, стремясь выполнить все рекомендации Комиссии, постоянно совершенствует свою экономику, модернизируя её, добиваясь всё нового прогресса в той или иной сфере.

Однако перспективы вхождения Турции в состав ЕС еще более ухудшились в 2005 году, когда в Берлине правительство красно-зеленых сменила Большая коалиция, хотя правительство ХДС/ХСС всегда осуждало вступление Турции в ЕС и вместо этого предлагало ей «привилегированное партнерство». Франция изменила свою конституцию таким образом, чтобы обязать правительство провести референдум, если вступление Турции в ЕС станет реальным. Таким же образом обязалась устроить референдум и Австрия, которая по этому вопросу придерживается той же линии поведения, что и ХДС/ХСС, и большинство населения которой против вступления Турции в ЕС. Дальнейшее уменьшение шансов Турции на членство в ЕС принесло вступление в Европейский Союз Кипра. ЕС, который в этом пользовался устойчивой поддержкой США, исходил из того, что членство Кипра в ЕС поможет снять противоречия между греческим югом острова и его турецким севером. Это должно было привести к открытию портов турецкого севера для торговли с греческим Кипром на основании плана, разработанного по инициативе генерального секретаря ООН Кофи Аннана.

Открытие в преддверии заседания Совета Европы 15 декабря 2006 года одного морского порта турецкого севера Кипра для торговли с греческим и одного аэропорта, и разрядил обстановку, но все попытки найти компромисс не увенчались успехом, так что Совет Европы пришел к заключению продолжать переговоры лишь по восьми разделам из тридцати пяти.

После десятилетий противоборства в «холодной войне» отношения между Москвой и Анкарой в последние годы улучшились настолько, что в регионе сложилась новая геостратегическая ситуация. Проявлением этого стали значительный рост турецких инвестиций в экономике России, прокладка газопровода через Черное море. Кроме того, оба государства поддерживали друг друга в борьбе с чеченскими и курдскими сепаратистами. Одинаковые позиции Турции и России в Абхазии, их совместное противодействие вступлению Грузии в НАТО и политике США в Ираке — вот проявления того, что, по мнению США, могут привести к повторному сближению двух государств. В связи с этим Турция больше не является для США само собой разумеющимся союзником - ни в борьбе за источники энергии в Центральной Азии, ни в проведении американской политики в России и на Ближнем Востоке. С другой стороны, выступающая за модернизацию турецкая элита также не может исходить из того, что ее стремление к членству в ЕС увенчается успехом и что восстановление прежних связей с США может стать для страны альтернативным решением в случае неудачи. В независимости от подобного положения дел, и США, и ЕС

одинаково заинтересованы в современной, светской и демократической Турции как стратегически важном партнере при стабилизации положения на Ближнем Востоке, обеспечении их снабжения энергией из Центральной Азии и из Ближнего Востока. Турция сможет лучше всего сыграть эту роль в качестве члена ЕС.

Так чем же не устраивает Турция европейцев? При обсуждении вступления Турции в ЕС часто поднимался вопрос о несоответствии её Копенгагенским критериям. В стране должна быть политическая стабильность, демократия, конкурентоспособный рынок и соблюдаться права человека. В 80-90-х гг. прошлого века страна не соответствовала многим из этих показателей. Но с 1999 года, когда Турция стала официальным кандидатом, были внесены существенные изменения, среди которых и принятие в октябре 2001 года поправок к Конституции (важнейший из которых – право на радиовещание на языках национальных меньшинств и вынесение смертного приговора лишь в военное время и за акты терроризма). Но претензии к Уголовному кодексу остались. Представители различных европейских правозащитных организаций продолжали находить всё новые примеры нарушения прав человека в Турции. Нерешенным остается и курдский вопрос.

Турции также ставили в вину активную роль военных в политической жизни страны. С другой стороны, прозападный политический курс всегда проводился в Турции при поддержке военных, которые в противовес традиционалистам, опирающимся на религию и ориентированным на Восток, до сих пор являлись основой светской власти в Турции.¹ Но религия всё же занимает важное место во внутривнутриполитической жизни страны. В Турции достаточно сильно течение традиционалистов. В данный момент у власти находится партия умеренных исламистов – «Партия Справедливости и развития» (АКП), которая выступает за религиозную свободу и свободу совести.

Негативное отношение к вступлению Турции в ЕС со стороны значительной части европейского населения, в большей степени определяется стереотипом, сложившимся в Европе относительно турок. В 1985 году в Европе Дж. Капланом в рамках течения «Милли Герюш» была создана радикальная организация – «Союз исламских обществ и общин», которая ставила целью свержение светского правительства в Турции. Последователи Каплана образовали партию «Государство Халифата», базирующееся в Кёльне и ставящую целью создание в Турции исламского государства. Партия разделила территорию Германии на округа, которыми должны были руководить эмиры. В конце 2001 года германским властям удалось запретить организацию «Государство Халифата». Наряду с Германией и Турцией, «Государство Халифата» также действует в Голландии, Бельгии, Франции, Австрии, Швеции, Дании.

В самой Турции, большая часть её населения выступает за членство страны в ЕС. В чём же причина такого единодушия? Основной причиной Эрдоган называет надежду на стабилизацию демократических основ, доведение уровня жизни в стране

¹ Такая роль за ними закрепилась в результате глубокого реформирования общества, проводившегося еще в 1920-1930-е гг., проведения светской элитой европеизации на принципах «6 стрел», лежащих в основе государства, одной из которых является лаицизм (отделение религии от государства).

до европейского. Не на последнем месте и экономические выгоды, поддержка одной из крупнейших мировых экономик сможет стать основой экономического роста страны. Турция входит в ЕЭС, но в отличие от европейских, турецким производителям приходится преодолевать трудности, вызванные высокими банковскими процентами и инфляцией. Членство в ЕС помогло бы Турции и привлечь иностранные инвестиции, и получить более дешёвые кредиты, что очень важно для неё. Разрыв между разными слоями населения очень велик, и вступление в ЕС смогло бы способствовать перераспределению доходов. Из-за того, что длительный период времени Турции отказывают в постоянном членстве, используя различные уловки. Для Турции вступление в ЕС стало уже вопросом принципа. Турки задаются вопросом, чем же они хуже европейцев, и в очередной раз стараются доказать свой европейский характер.

Насколько невыгодно Евросоюзу принять Турцию? На первый взгляд, это действительно может грозить притоком турецкой рабочей силы. Но иммиграция в страны ЕС и на данный момент не является большой сложностью для турок, которые с 60-х г.г. прошлого столетия хлынули на запад для учёбы, временной работы или постоянного проживания. Например, толчком к иммиграции в Германию стала резко возросшая в конце 50-х г.г. XX века потребность немецкой экономики в рабочей силе. Массовый приток начался в начале 60-х г.г. XX века, когда Западная Германия подписала соответствующие соглашения с Турцией (1961), Марокко (1963), Тунисом (1965) и Югославией (1968). В настоящее время крупнейшей общиной в Германии является именно турецкая (2,2 - 2,4 млн. человек). Исламизации Франции способствовало её либеральное законодательство, по которому дети иммигрантов, рождённые во Франции, могли претендовать на гражданство. В настоящее время численность мусульман Франции оценивается от 3,5 до 5 млн. человек. Поэтому вряд ли следует ожидать ухудшения ситуации. Скорее наоборот, если Турция станет частью Европы, то притягательность образа «Запада» уже не будет столь сильна. Также уровень жизни в Турции со вступлением в ЕС повысится, тогда по происшествии определённого периода времени поток иммигрантов значительно ослабнет. Если же говорить о демографической ситуации, то турецкое население может омолодить «стареющую Европу». Потенциал этой выгоды особенно важен в связи с демографическими тенденциями в странах-членах ЕС. Иностранные инвестиции, на которые так рассчитывает Турция, тоже не могут быть причислены к отрицательным сторонам вступления Турции в ЕС. Скорее они могут быть выгодны странам Евросоюза. Что касается ЕС как «христианского клуба», то принятие Турции разрушит этот образ,¹ тем более, что реальное положение дел и демографическая ситуация указывают на то, что население Евросоюза уже нельзя назвать однородно-христианским. Ещё одна важная деталь: через Босфор и Дарданеллы Европа получает нефть из России и Каспийского региона.² Значение этого фактора сложно переоценить. Доступ к молодому и крупному потребительскому рынку также является существенным доводом в пользу принятия Турции в ЕС.

¹ Резкие высказывания представителей христианско-демократических и христианско-социальных союзов Европы в отношении вступления Турции в ЕС выставляют всю Европу в невыгодном свете перед мировой общественностью.

² Турецкими танкерами сейчас перевозится около 1/3 всей потребляемой Евросоюзом сырой нефти.

Необходимо учитывать, что если сейчас ВВП Евросоюза равен ВВП США, то с присоединением Турции к ЕС союз станет самым сильным в мире. Кроме того, Евросоюз может спекулировать на горячем стремлении Турции вступить в ЕС и получить от неё некоторые уступки, договориться о выгодных условиях, скорее политического, а не экономического характера.

Какие же преимущества в политическом плане может получить ЕС от вступления Турции в эту организацию? В данном случае подразумевается не весь ЕС, а только лидеры, страны-основатели, непосредственно влияющие на принятие решений. Хотя влияние этих стран было в достаточной мере ослаблено со вступлением в ЕС целого ряда проамерикански настроенных стран, таких как Польша, Латвия, Литва, Эстония, Чехия, Словакия и др. До сих пор в ЕС охотно принимались маленькие, не обладающие большим влиянием страны.

Однако не был принят во внимание тот факт, что когда их наберётся достаточное количество, они будут существенно влиять на политический курс Евросоюза. Ослабленный раздираемыми противоречиями Евросоюз уже не сможет выступить действительной единой политической и экономической силой, как он изначально задумывался. И это не устраивает основных его членов.

Количество мест в Европейском парламенте зависит от численности населения страны, благодаря чему Турция получит значительное количество мест в Европарламенте и сможет существенно влиять на принятие решений. Страны-лидеры, объединившись с Турцией, вновь станут центром, за которым будет оставаться последнее слово во всех спорных ситуациях.

Немаловажна и вторая по численности в НАТО (после США) армия Турции, что также имеет значение для Европы, которая ведёт в последние годы почти независимую от Соединенных Штатов Америки военную политику.

При этом всё это не означает, что европейская система требует от Турции полностью порвать отношения с США. Дипломатия Турции уже на протяжении нескольких десятилетий демонстрировала умелое лавирование между Европой, США, Израилем и мусульманским Востоком с целью обеспечения собственных выгод. Поэтому в случае принятия Турции в Европейский Союз на описанных выше условиях, предсказуем и определённого рода шантаж членов ЕС с турецкой стороны. Тем не менее, его можно и предотвратить.

Далее, ставшее уже традиционным представление о Турции, как о мосте между Европой и Востоком. Умелая интеграция Турции в Евросоюз помогла бы предотвратить столкновение исламской и христианской цивилизаций в будущем. Именно Турция стала родиной нового направления в Исламе, так называемого «евроислама», и разочарование Турции в ЕС может привести к развитию и укреплению радикальных течений. Непосредственная близость Турции к границам Евросоюза должна заставить страны этой организации внимательно относиться к проблемам подобного рода. Достаточно долгое время Турция является проводником американских интересов в регионе, что говорит о том, что она может быть и проводником европейских интересов на Ближнем Востоке. Но этот аспект значения Турции чаще все-

го переоценивается. Турцию на Ближнем Востоке за «свою» не считают. У самой Турции имеется ряд нерешённых проблем с мусульманскими странами. До сих пор эти проблемы чаще всего замыкались на отношениях с арабским миром и сотрудничестве Турции с Израилем (двустороннее сотрудничество в политической, торгово-экономической в «военной области, характеризующееся как стратегическое партнёрство») и с США. Существуют исторические и идеологические разногласия с Ираном. Территориальные споры и конфликты Турции в вопросе об использовании водных ресурсов Тигра и Евфрата с Ираком и Сирией также актуальны.

В случае непринятия Турции в Европейский Союз, одним из наиболее вероятных будущих союзников этой азиатской страны аналитики рассматривают Россию. В конце 2004 года состоялся визит президента России В.Путина в Турцию, а в начале 2005 года – визит в Россию премьер-министра Турции Р.Т.Эрдогана (ныне президент Турции). В 2007 году Россия занимала второе место во внешней торговле Турции.

Важным направлением европейской политики Турции в начале 90-х г.г. XX века стало черноморское. Необходимо рассматривать некоторые аспекты этого направления, так как политика США в бассейне Чёрного моря также приобретает всё более ясные контуры. Этот регион (включая не только акваторию, но и прибрежные площадки стратегического значения, и отдельные регионы) рассматривается американской стороной как ключевой в планах укрепления существующих и приобретения новых позиций в Европе. Без контроля над бассейном Чёрного моря вряд ли возможно продолжение евразийской стратегии США, прежде всего, по части контроля над энергетическими коммуникациями. Американское военнополитическое присутствие в бассейне Чёрного моря призвано усилить влияние США в Евразии, а также поставить в большую зависимость всю Европу. Вместе с тем, наряду с некой интегрирующей экспансией в направлении внутренней Евразии, преследуется цель не допустить формирование «альтернативных альянсов», которые могут включить, как мы уже писали, Турцию и Россию.

Турция с опасением воспринимает данные цели США, предвидя снижение своей стратегической значимости, возникновение новой геополитической конфигурации. Например, приводится в качестве конкретного примера опасение Турции в отношении возможной коррекции или отмены соглашений Монтрё 1936 года по Черноморским проливам. Эти опасения между Турцией и США действительно имеют место, но этим суть проблемы вовсе не исчерпывается. США явно не проявляют заинтересованности в усилении турецкого политического и экономического влияния в Черноморском бассейне. Особенно после того, как в 1992 году 10 стран Черноморского региона, в том числе Турция подписали Декларацию о Черноморском экономическом сотрудничестве, на базе которой впоследствии была создана новая региональная экономическая организация – Организация Черноморского Экономического Сотрудничества (ОЧЭС). Конечно, эффективность действия ОЧЭС за эти прошедшие годы оставалась невысокой, тем не менее, США особенно внимательно и настороженно наблюдали за попытками Турции приобрести более предпочтительные позиции в этом регионе.

В данных противоречивых условиях, Турцию более всего беспокоит не стремление собственно США к усилению своего присутствия и влияния в регионе Чёрного моря, а интеграция данного региона в НАТО. В ряде публикаций турецких и американских авторов и, в какой-то мере, прослеживается эта идея, хотя она так и не была до сих пор выражена более или менее определённо. Европейские авторы вообще не обратили внимания на данное обстоятельство, и остаётся непонятным, эта позиция европейских экспертов сложилась нарочито, или же они не уделяют этой проблеме достаточного внимания.

Несмотря на беспримерное ухудшение турецко-американских отношений с 1998-1999 г.г., оба государства имели политические ресурсы для удержания отношений на приемлемом для стратегических партнёров уровне. Турция смогла нивелировать острые углы в отношениях с США.

Турция в значительно большей степени опасается политических тенденций, которые проявляются в НАТО и в Европейском Союзе. Особенно беспокоит Турцию снижение влияния США в НАТО, «европеизация» Североатлантического альянса, возникновение так называемого «Евро-НАТО» как объективной реальности. Последние годы продемонстрировали, что Турция располагает минимальными ресурсами влияния на Европейское сообщество и НАТО, несмотря на своё геостратегическое значение для альянса. Даже такой вопрос, как суверенизация Косово, чему Турция уделяла немалое внимание и делала усилия, вроде бы решилась на чисто европейско-американском поле, исключая какую-либо роль Турции. В результате, Турция не сумела презентовать этот косовский проект в исламском мире как свой, хотя бы отчасти.

В рамках рассмотрения данных планов США в Европе, можно отметить, что Турция в создавшихся условиях, которые так или иначе не отвечают её интересам, всё же предпочитает иметь дело только с Соединёнными Штатами Америки, или преимущественно с ними, чем с НАТО как с глобальной интегральной системой безопасности. Включение в НАТО Болгарии и Румынии уже стало ударом по интересам Турции.

Турция всегда настойчиво стремится в Европейское сообщество. Тем не менее, Турция всегда ощущала, что её политика в западном направлении должна быть максимально дистанцирована от её восточной, особенно ближневосточной политики. Таким образом, эти два направления её политики станут несовместимыми, если европейцы будут иметь права корректировать турецкую политику на Востоке. Интересы и политика США в Евразии и на Ближнем Востоке, несмотря на наличие многих противоречий, всё же могут быть согласованы с Турцией, и тому есть много примеров, даже сейчас.

Некоторые аналитики считают, что «якобы последовательная стратегия США, направленная на интеграцию Турции в Европейское сообщество, представляется просто тщательно замаскированным блефом». По мнению большинства этих авторов, «весь этот 40-летний сценарий по проталкиванию Турции в Европейский Союз не что иное, как американо-британский проект консервативного характера, доказы-

вающий приемлемость влияния определённых политических кругов в Великобритании и в США».

Невозможно относиться к этим мнениям однозначно: с одной стороны, в Европейской системе Турции уделено место, скорее всего, транзитно-цивилизационного характера, и в этом плане вышесказанное звучит реально. С другой стороны, надо учитывать тот факт, что Соединённые Штаты Америки не могут осуществить свои планы политического и военного присутствия в Европе, особенно в черноморском регионе, вообще без участия Турции. К тому же, нельзя игнорировать такую синтетическую задачу, как использование американского военного присутствия в Чёрном море, как важный рычаг расширения состава, функций и зоны ответственности НАТО.

Проблема Турции в данном геополитическом направлении заключается в том, что ей не дано сделать выбор; ей придётся проводить «филигранную политику соблюдения балансов и лавирования», то есть заниматься тем, чем она занималась в последние два десятилетия, к тому же, в ещё более сложном международном режиме. В связи с этим, представляет интерес то, что политическая дискуссия по этому поводу, которая развернулась в Турции с конца 90-х г.г. XX столетия, намного опередила реальные процессы усиления влияния США в некоторых районах европейского континента. Становится ясным, что усилия США на континенте, наряду с иными целями, преследует и цель установления ограничителей в развитии двусторонних отношений Турции с отдельными европейскими странами. Поэтому, данные планы, несомненно, в какой-то мере, приведут к обратному эффекту, и Турции придётся искать способы уравнивания влияния США, независимо от того, будут ли они действовать на континенте в русле политики НАТО или самостоятельно. Американцы, конечно же, понимают это и надеются на возобладание в турецких военных и политических кругах амбициозных настроений атлантического характера. Пока же в европейских планах США Турция остаётся в резерве.

В целом, усиливающееся значение Турции для интересов безопасности Европы весьма отчётливо осознают в Старом Свете. Соавтор нового отчёта Европейского совета по международным отношениям Марк Леонард убеждён, что «Турция – это растущая региональная держава. Поэтому, чтобы держать Турцию на своей стороне, Брюсселю следует ускорить процесс принятия этой страны в Евросоюз».

Этот вопрос продолжает «зависать» на уровне Франции и Германии, которые остаются главными силами, блокирующими вступление Анкары в ЕС. Париж и Берлин сейчас гораздо больше интересуется Россией, вернее развитием партнёрства с «великим восточным соседом» в условиях растущей необходимости формирования единой системы безопасности на всём европейском пространстве.

В целом, как правильно отметил господин Романо Проди, вопрос о том, будет ли Турция принята в члены Евросоюза или нет, закрыт для обсуждения: есть решение о том, что Турция будет принята в члены ЕС после выполнения ряда требований.

ГЛАВА III.

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ТУРЦИИ И США

3.1. Турция в контексте мировой экономики (особенности и перспективы экономического развития)

Длительная ориентация Турции на Запад и участие в НАТО¹ способствовали тому, что во второй половине 70-х годов прошлого столетия в стране резко ухудшилось социально-экономическое положение, выросла дороговизна, инфляция достигла 80%. Внешний долг страны составил 20 млрд. долларов. В результате, экономический и социальный кризис привёл к политическому кризису и военным переворотам. Военный переворот, совершённый в 1980 году, был третьим в истории республики (первые два произошли в 1960 и 1971г.г.) и привёл к установлению авторитарного военно-диктаторского режима в Турции. Предпринятая в январе 1980 года попытка начать глубокие структурные экономические преобразования столкнулась с неспособностью политических структур – правительства и парламента – обеспечить их решительное и последовательное проведение.

В ноябре 1983 года генерал К.Эврен ввёл в состав нового правительства Т.Озала, который в течение многих лет возглавлял правительство, а позже стал президентом Турции и продолжил курс на экономическую и политическую либерализацию страны в направлении перехода от военной формы правления к гражданской. Принятый в начале 1980 года, а затем дополненный в 1983-1984 г.г. так называемый «Пакет экономической стабилизации» предусматривал следующие широкие цели и задачи:

- осуществить поэтапную приватизацию одних государственных предприятий, повысить рентабельность других, создав им условия для функционирования строго по законам рыночного хозяйства;
- повысить конкурентоспособность национальной продукции и открыть промышленность для внешней конкуренции, осуществив с этой целью либерализацию импорта, устранив другие барьеры на пути свободного движения между странами товаров, капиталов и услуг;
- форсировать экспорт турецкой продукции на базе перехода от импортозамещающей индустриализации к экспортно-ориентированной;
- резко снизить темпы инфляции и добиться на первых порах внутренней, а затем и внешней конвертируемости турецкой лиры;
- ликвидировать дефицит платёжного баланса страны за счёт роста поступлений от внешних заёмных средств и притока частного иностранного капитала.

Принятие вышеуказанной программы экономических реформ, содержащей необходимые элементы совершенствования национального воспроизводственного механизма было несомненным свидетельством определённой зрелости турецкого капитализма, поставившего своей целью переход от «закрытой» экономики к «от-

¹ Военные расходы доходили до 20% национального бюджета страны.

крытой» посредством тотального внедрения в неё тенденций и принципов свободного рынка, изменения роли и места Турции в системе мирового хозяйства. Либерализация валютной политики сопровождалась либерализацией внешнеторговой политики: были снижены импортные пошлины, отменены импортные квоты и сокращен перечень товаров, импорт которых был невозможен без лицензирования.

Турция, находившаяся с конца 70-х г.г. прошлого столетия в глубоком экономическом кризисе в результате перехода с начала 80-х г.г. XX века к новой экономической стратегии, совершила подлинный взлёт. Прежде всего, резко повысились темпы роста производства: если в течение 1978-1983 г.г. валовой продукт возрастал в среднем на 2,5% , то в 1984-1990 г.г. – на 5,5; в 1992 году – на 5,9% (см.: также таблицу 3.1)

В эти годы заметно усилилась деятельность частного национального капитала, продукция которого, насытив местный рынок, устремилась в другие страны. В итоге многократно увеличился объём национального экспорта (с 2,9 миллиарда долларов в 1980 году до 14,8- в 1992 году) (см.: таблицу 3.2).

Таблица 3.1

Темпы роста ВВП Турции по основным отраслям (в процентах)

	1987	1988	1989	1990	1991	1992	1993
Сельское хозяйство	2,1	8,0	10,8	11,6	0,8	3,7	3,0
Промышленность	9,6	3,1	3,1	9,0	3,2	3,7	6,0
Услуги	6,8	4,1	4,1	6,6	0,8	6,4	4,5
ВВП	7,5	3,6	1,9	9,2	0,3	5,9	5,0

Таблица 3.2

Внешняя торговля Турции

	1990	1991	1992
Экспорт млрд.долл. США)	13,0	13,6	14,8
Импорт(млрд.долл.США)	22,5	21,0	23,0
Дефицит (в процентах)	57,8	64,7	64,2

Значительных успехов было достигнуто и в области стабилизации финансов: удалось более чем вдвое снизить темпы инфляции и в значительной мере стабилизировать национальную валюту – лиру, которая с конца с 80-х г.г. XX века стала внутренне конвертируемой. В стране была провозглашена широкая программа приватизации.

Однако эти реформы не смогли изменить принципы функционирования турецкой экономики, поскольку носили половинчатый характер. Прежде всего эта половинчатость состояла в том, что изменения не касались размеров предприятий и собственности в обрабатывающих отраслях. В этом секторе экономики продолжали доминировать крупные государственные предприятия – монополисты, многие из которых преследовали внеэкономические цели. Принципиально характер отношений между бизнесом и государством не изменился. Даже в наиболее продвинутом плане либерализации внешнеэкономической сферы сохранялись многочисленные ограничения, избыточный контроль и субсидии, которые в одни годы свертывались, в другие, наоборот, расширялись.

В начале 90-х г.г. прошлого столетия в экономике Турции в целом сохранялись тенденции, характерные для 80-х г.г. XX века. Темпы роста ВВП оставались положительными, но неустойчивыми. ВВП резко снизился (до 0,3 %) в 1991 г. вследствие неблагоприятного внешнего шока, вызванного войной в Персидском заливе. Причина этого лежала не только в скачке цен на нефть; Ирак был главным экспортным рынком Турции, а также важным источником поступления твердой валюты за прокачку нефти по нефтепроводам, в то же время в 1993 г. экономический рост неожиданно «подпрыгнул» до рекордной отметки 8,1 %. Инфляция стала больше, попав в диапазон 60-70%, что недопустимо высоко по меркам развитых стран.

В 1994 году разразился валютно-финансовый кризис. Объясняя его причины, следует принять во внимание следующую систему макроэкономических связей: рост бюджетных дефицитов привёл к росту заёмной деятельности государства на внутреннем и внешнем рынках, по мере роста государственной задолженности возрастала её краткосрочная структурообразующая. Наконец, из-за опасного повышения доли процентных выплат в финансировании бюджетных дефицитов, устремились из страны, что обусловило неизбежную девальвацию турецкой лиры.

Неустойчивая политическая ситуация в Турции после кризиса 1994 года затруднила последовательное проведение стабилизационных мероприятий. Фактическое начало более успешных стабилизационных программ, осуществляемых при кредитном содействии МВФ, пришлось на конец 90-х г.г. прошлого столетия. Объём накопленного государственного долга и тяжесть его обслуживания в условиях значительного снижения эффективности новых займов обусловили сохранение несбалансированности в сфере госфинансов, а значит, сохранение зависимости экономики от колебаний в поступлениях внешнего финансирования и обратимость стабилизации.

Кризис заставил правительство в срочном порядке принять и начать реализовывать программу макроэкономического урегулирования. Турецкие власти объявили о проведении программы 5 апреля 1994 года и запросили под её реализацию поддержку МВФ. В июле 1994 года было подписано 14-месячное кредитное соглашение

с Фондом типа stand-by, одобренное его советом директоров.¹

Основное содержание программы заключалось в значительном снижении дефицита общественного сектора и в резком ужесточении денежной политики. Согласно программе фискальные меры должны были снизить заёмные требования общественного сектора до 6% ВВП в 1994 году и 3% в 1995 году. Вводился 10%-ный дополнительный налог на индивидуальные доходы и прибыль корпораций, а государственные расходы должны были снизиться с 11% ВВП в 1993 году до 8% в 1995 году.

Ужесточение макроэкономической политики в 1994 году не оказалось длительным. Несмотря на снижение доли бюджетного дефицита ВВП, в целом проблему дефицита государству решить не удалось. Вызванное ужесточением денежной политики повышение процентных ставок увеличило реальные расходы правительства по обслуживанию государственного долга. Таким образом, макроэкономический популизм в конце 1995 года привёл к приостановке и, в конечном счете, к провалу стабилизации. Значительную роль в неудаче программы сыграло то, что она исходила из достаточности одной только макроэкономической (денежной и фискальной) политики. В ней не учитывалась необходимость проведения серьёзных институциональных и структурных преобразований, без которых, как ещё раз доказал турецкий опыт, политика макроэкономической стабилизации обречена на неудачу.

По существу программа стабилизации 1994 г. не смогла решить ни одну из проблем турецкой экономики. Слабость бюджетной системы, большой и растущий объем государственной задолженности, хроническая инфляция, неэффективность и хрупкость банковской системы – это «наследство» прошлых десятилетий в середине 90-х г.г. прошлого столетия не только не было ликвидировано, но начало пускать еще более глубокие корни.

В Турции существовал непропорционально большой для рыночной экономики госсектор, включая государственные предприятия. Возникавшие убытки ложились дополнительным бременем на бюджет, увеличивали заемные требования общественного сектора и государственный долг. В результате подрывались возможности проведения долговременной жесткой фискальной политики. Очевидно также, что приватизация являлась важным условием устойчивой макроэкономической стабилизации.

После провала стабилизации в середине 90-х г.г. прошлого столетия задача по её достижению снова оказалась на повестке дня турецкого правительства в середине 1998 года. 26 июня 1998 года новое правительство опубликовало «Меморандум об экономической политике». Этот меморандум положил начало 18-месячной программы под наблюдением персонала МВФ (staff-monitored program). Реализация программы началась 1 июля того же года и завершилась в конце 1999 года. Основные положения программы сводились к следующему: 1) фискальная политика; 2)

¹ Через кредитные соглашения типа stand-by (stand-by Arrangement) представляется большая часть помощи МВФ. Выделяемые в соответствии с ними кредиты предназначены для решения краткосрочных проблем с платёжным балансом. Кредиты должны быть погашены в течение 3-5 лет.

антиинфляционная денежная и валютная политика.

Вскоре после опубликования меморандума об экономической политике принятая программа была оценена советом директоров МВФ в соответствии с 4-й статьёй соглашения.¹ В опубликованном заявлении была дана высокая оценка программы турецкого правительства. В процессе выполнения программы МВФ также давал высокие оценки решимости Турции стабилизировать экономику.

Уже к концу 90-х г.г. XX века ВВП на душу населения составил 3 тыс. долларов. Доля ВВП составил 27%, а производство сельскохозяйственных продуктов – 15,7%. В стране ежегодно стали добывать 2 млн. т. каменного и 50 млн.т. бурого угля, около 4 млн.т. нефти, а выработка электроэнергии достигла 100 млрд. киловатт-час. Страна стала производить более 75 тыс. грузовиков и 250 тыс. легковых автомобилей. Экспорт страны в конце 90-х г.г. прошлого столетия достиг 25 млрд. долларов. Страну ежегодно стали посещать до 9 млн. туристов.

В настоящее время торговая политика Турции находится в полном соответствии с торговым законодательством Европейского Союза. В середине 90-х годов прошлого столетия между Турцией и ЕС было подписано соглашение о Таможенном Союзе. В соответствии с этим соглашением, в торговле между Турцией и странами ЕС отменены все таможенные пошлины и другие налоги, а также количественные квоты, введены принципы свободного обращения товаров. В торговле с третьими странами Турция стала использовать совместные со странами ЕС таможенные тарифы.

Соглашение о Таможенном Союзе с ЕС обязывает Турцию заключать соглашения о свободной торговле только с теми странами, с которыми такие соглашения подписали страны ЕС.

Динамика турецкой экономики в 2000 году позволяла рассчитывать на успешную реализацию программы. Экономический рост должен был составить 7%, что было выше запланированных 5,6%. В 2000 году месячные темпы инфляции оказались существенно ниже аналогичных показателей 1999 года. За 2000 год инфляция (по индексу потребительских цен) составила примерно 34-35%.

В декабре 2000 года МВФ утвердил помощь Турции в размере 7,5 млрд. долл. по линии Supplemental Reserve Facility (SRF). Первый транш в размере 2,25 млрд. долл. поступил 22 декабря 2000 года. Наряду с ним были предоставлены четвёртый и пятый транши оговоренного ранее кредита по соглашению stand-by в размере 550 млн.долл. Тогда же Всемирный банк одобрил новую стратегию помощи Турции, в соответствии с которой ей была предоставлена поддержка в размере 5 млрд. долл. в течение 3 лет. В качестве первого шага по реализации этой стратегии Всемирный банк предоставил Турции заем в 778 млн. долл. на упорядочение финансового сектора и 250 млн. долл. на социальную поддержку проекта приватизации, призванную

¹ Согласно этой статье, соглашения МВФ приводят к двусторонним обсуждениям с его участниками. Сотрудники МВФ приезжают в страну, собирают информацию об экономике, а по возвращении в штаб-квартиру они представляют отчёт. В заключение обсуждения исполнительный директор как председатель правления суммирует взгляды директоров, и это резюме передаётся властям страны.

смягчить негативное воздействие приватизации на государственные предприятия.

С февраля 2001 года турецкая лира потеряла половину своей стоимости относительно доллара. Слабая национальная валюта оказала благоприятное воздействие на положение экспортёров и операторов в сфере туризма. ВВП сократился на 8,5 % в первом квартале (по сравнению с тем же периодом 2000 года) и на 11, 8% - во втором квартале.

Щедрая финансовая поддержка международных финансовых организаций сдержала развёртывание финансового кризиса. Тем не мене, частично достигнутая стабилизация финансового кризиса была нарушена разногласиями во властных структурах, имевшими негативные последствия для социально-экономической сферы. Центральный банк объявил о переходе к плавающему валютному курсу, что открывало путь к неконтролируемой девальвации. В 2001 году размер кредитной помощи МВФ превысил 10 млрд. долларов, что сыграло важную роль в преодолении последствий валютно-финансового кризиса. В целом с 1958 года МВФ 18 раз разрабатывал программы для Турции. Западные банки заинтересованы в поддержании Турции «наплаву», поскольку её обязательства перед ними, по данным «Economist», превышают 40 млрд. долларов.

В 2002-2004 гг. в рамках достигнутого с МВФ соглашения о стабилизационном кредите Турция получила 16 млрд. долл. Основными направлениями её стабилизационной программы явились сокращение государственных расходов посредством придания госфинансам более компактной и более легко контролируемой структуры.

К концу 2004 года отношение государственного долга ВВП снизилось до 68% против 98% в 2001 году, а инфляция до 9% против 70% . Уже в 2002 году рост ВВП составил 7,9%, в 2003 году- 5,9%, в 2004 году - около 9% (см. таблицу 3.3).

Таблица 3.3

Темпы роста ВВП Турции за 2002-2004 гг. (в процентах)

	2002	2003	2004
ВВП	7,9	5,9	9

Успехи Турции на пути финансовой стабилизации позволили правительству провести деноминацию турецкой лиры: с января 2005 года в хождение были введены купюры, номинал которых уменьшился в 1.000.000 раз.

Правительство Раджаб Тайип Эрдогана продолжило курс на либерализацию экономики, приватизируя государственные концерны открывая доступ на внутренний рынок для иностранных инвесторов. Достигнутые результаты достаточно впечатляющие по сравнению с другими странами. В частности рост ВВП увеличился с 5,8 в 2003 году до 8,9% в 2004 году и 4,5% в 2005 году.

Например, рост ВВП США в 2004 году составил – 4,2%, РФ – 7,2%, Великобритании – 3,1%, Германии – 1,6% , Китая – 10,1%.

Турция в настоящее время занимает одно из ведущих мест по производству продуктов питания и входит в восьмёрку стран, полностью обеспечивающих себя продовольствием. Имея 28 млн.га орошаемой земли и благоприятные климатические условия, страна занимает пятое место в мире по выращиванию овощей и девятое – фруктов.

Велика доля сельскохозяйственной продукции и в экспорте: это - хлопок, табак, фундук, инжир, изюм и цитрусовые. Достаточно развита и перерабатывающая отрасль, ежегодный рост её составляет 25%. Наиболее развито производство томатной пасты, фруктовых соков, консервированных и замороженных овощей и фруктов. Турция занимает второе место в Европе и третье в мире по производству томатной пасты, кетчупа и томатного пюре (130 тыс. т. в год). Турция – второй в мире экспортёр макаронных изделий.

Место Турции в мировой классификации:

- первое место в мире по производству и экспорту сухофруктов (инжир, абрикосы)
- первое место в Европе по производству хлопка и табака
- второе место в мире по производству чечевицы, изюма и зелёного гороха
- четвёртое место в мире по производству оливкового масла
- пятое место в мире по производству семян подсолнечника
- шестое место в мире по производству фасоли
- седьмое место в мире по производству кунжута
- восьмое место в мире по производству муки и сахара. За последнее время Турция вошла в число стран, быстро расширяющих выпуск мяса птицы. В 1999 году его производство выросло почти на 60% по сравнению с 1995 годом. Душевое потребление мяса птицы в стране достигло 11 кг в год (красного мяса – 14 кг).

Экономика Турции - сложное объединение достаточно современной промышленности и традиционного сельского хозяйства, которое все еще составляет до 30% в структуре ВВП. Хотя в Турции сформировался относительно сильный и быстро растущий частный сектор, государство остается главным участником основных отраслей промышленности, банковского сектора, транспорта и коммуникации.

Слабым местом в турецкой экономике является нехватка капитала, которая ограничивает возможности экономического роста. Турецкие банки все ещё на 80% финансируют государственные долги, рынки капитала в стране слабо развиты, иностранные прямые инвестиции слишком невелики. В 2003 году они покрыли четвертую часть дефицита платежей по текущим операциям. В последние 10 лет в Турцию ежегодно поступали 900 млн. долл. Турецкая валютная система также недостаточно стабильна. Нестабильность обусловлена высокой зависимостью от туристического

сектора экономики. Уровень инфляции за первые четыре месяца 2008 года составил 4,72%. Темпы роста турецкого ВВП в 2007 году составили 5,3 процента. Уровень безработицы в 2007 году составил 10,2%. Внешний долг по состоянию на 30 июня 2007 года составил 226,4 млрд. дол., что соответствует 58% ВВП.

За последние несколько лет турецкий внешний долг существенно вырос. Связано это с тем, что государство в поисках средств для финансирования бюджетного дефицита неинфляционными методами выпустило на рынок государственные ценные бумаги и стало прибегать к внешним займам. На долю выплачиваемых по государственным займам процентов приходится около 35-40% всех государственных расходов. Такая политика привела к тому, что в конце 2006 года внешний долг Турции составил 207,8 миллиардов долларов. В конце июня 2007 года, поднявшись на 9 процентов, он составил уже 226,4 миллиарда долларов.

Основными инвесторами в турецкую экономику исторически являются Германия и Великобритания, однако в последнее время высокую инвестиционную активность проявляют Нидерланды и США.

Турецкие автомобили поставляются в 163 странах мира. Главным потребителем выступает Франция, закупающая у Турции автомобилей на \$1.86 миллиарда. За ней следуют Германия, Италия, Великобритания и Бельгия.

Темпы роста ВВП Турции, %

год	значение
2003	5.3
2004	9.4
2005	8.4
2006	6.9
2007	4.7

Таблица 3.4

Объем экспорта Турции, млрд. долларов США

год	значение
2003	35.1
2004	49.1
2005	69.5
2006	71.5
2007	85.2

Сегодня турецкая экономика становится всё более открытой. Нельзя отрицать того, что Турция сделала много важных шагов для улучшения экономической ситу-

ации, причём очень успешных. Постепенно Турция налаживает торговые связи со странами Европейского Союза, что очень прибыльно для Турции.

Экономическими проблемами страны остаются энергетический вопрос и вопрос водоснабжения.

Турецкая энергетическая стратегия многомерна. Одним из путей решения проблемы энергообеспечения страны является создание совместных трубопроводов. Создание трубопровода Баку-Тбилиси-Джейхан обеспечивает как внутренние потребности Азербайджана, Грузии и Турции, так и экспорт энергетических ресурсов.

Проблема водоснабжения также остаётся одной из важных экономических проблем не только для Турции с её засушливым климатом, но и для соседних государств.

Таким образом, сегодня турецкая экономика «может называться рыночной в контексте текущей стабилизации и успеха проводимых реформ». По сравнению с другими странами-кандидатами ЕС, экономика Турции значительно мощнее, чем например, экономика Болгарии, Румынии, Эстонии, Латвии, Литвы, также темпы роста турецкой экономики опережают даже показатели Финляндии. Высокие темпы экономического роста позволяют Турции всё больше претендовать на членство в ЕС.

3.2. Развитие турецко-американских торгово-экономических связей в условиях глобализации

Внешнеторговый сектор для Турции является одним из важнейших источников динамичного экономического развития страны. С одной стороны, это объясняется относительной недостаточностью ресурсной базы, что обуславливает зависимость турецкой экономики от мирового рынка (деятельность основных отраслей турецкой промышленности – от текстильной до электронной – в значительной степени определяется наличием импортируемого сырья, энергоносителей, полуфабрикатов). С другой стороны, экспортоориентированность экономики Турции, её значительный промышленный потенциал предопределяют энергичную работу местных фирм по продвижению своих товаров на внешних рынках. Именно поэтому главными для Турции являются расширение имеющихся рынков сбыта для экспортной продукции и обеспечение на выгодных условиях отечественной промышленности необходимыми видами сырья. Основными статьями турецкого экспорта являются изделия из текстиля и готовая одежда, автомобили, цитрусовые, продукты питания, запасные части, металлопрокат, изделия из стекла, сельхозпродукция. Основными статьями импорта являются нефть, нефтепродукты, газ, цветные и чёрные металлы, оборудование, удобрения, лес и пиломатериалы (см. таблицу 3.5).

Рынок США всегда был идеальным для Турции и является вторым после Германии (см. таблицу 3.6).

Среди товаров турецкого экспорта основными являются: минеральные веще-

ства, верхние одежды и аксессуары, металлические изделия, табачные изделия, ковры, сельскохозяйственные продукты, мебель и др. (см.: таблицу 3.7). Из США Турция импортирует в основном бытовую технику, медицинское оборудование, химические вещества, оружия, канцелярские товары, игрушки, алкогольные напитки и т.д. (см.: таблицу 3.8). За последние несколько лет изменились статистические показатели взаимного импорта и экспорта обеих стран (см.: таблицы 3.7 и 3.8).

Таблица 3.5

Международная торговля Турции (1990-2006 г.г.)

год	Экспорт (млн. долл. США)	Прирост (в % к пред. го- ду)	Импорт (млн. долл. США)	Прирост (в % к пред. го- ду)	Сальдо внешне- торгового балан- са (млн.долл. США)	Внешне- тор. (млн. долл. США)	Отноше- ние эс- порта к импорту (в %)
1	2	3	4	5	6	7	8
1990	12.959	11,5	22.302	41,2	-9.343	35,26%	58,1
1991	13.593	4,9	21.047	-5,6	-7.454	34.640	64,6
1992	14.715	8,2	22.871	8,7	-8.156	37.586	64,3
1993	15.345	4,3	29.428	28,7	-14.083	44.773	52,1
1994	18.106	18,0	23.270	-20,9	-5.164	41.376	77,8
1995	21.637	19,5	35.709	53,5	-14.072	57.346	60,6
1996	23.224	7,3	43.627	22,2	-20.402	66.851	53,2
1997	26.261	13,1	48.559	11,3	-22.298	74.820	54,1
1998	26.974	2,7	45.921	-5,4	-18.947	72.895	58,7
1999	26.587	-1,4	40.671	-11,5	-14.084	67.258	65,4
2000	27.775	4,5	54.503	34,0	-26.728	82.278	54,0
2001	31,334	12,8	41,399	-24,0	-10.065	72.733	75,7
2002	36.059	15,1	51.554	24,5	-15.495	87.613	69,9
2003	47.068	30,5	68.808	33,5	-21.740	115.876	68,4
2004	47,136	2,0	67.012	30,2	14.876	121.906	54,7
2005	51.075	12,4	69.876	32,7	-18.801	124.139	61,3
2006	57.230	7,9	71.198	34,1	-13.968	131.789	60,8

Таблица 3.6

Основные торговые партнёры Турции

Страны	Примерный товарооборот (млрд. долл. США)
Германия	Около 10,0
США	Более 5,0
Италия	Более 4,5
Россия	Около 4,5 ¹
Франция	3,0
Великобритания	Около 3,0

Таблица 3.7

Импорт Турции в Соединённые Штаты

товары	За 2006 год (\$)	За 2007 год (\$)
минеральные вещества	125.438.532	507.881.901
одежда и аксессуары	593.940.764	417.609.332
цемент	224.200.096	318.631.661
металлы и металлические изделия	150.312.996	214.920.957
табак и табачные изделия	144.746.759	164.241.047
ковры	46.214.370	62.653.319
синтетические волокна	50.633.466	62.565.821
каучук	20.233.373	34.616.533
органические вещества	18.479.205	31.552.123
мебель	34.083.185	27.679.786
мясные продукты	2.304.939	2.561.750
молочные продукты	1.903.275	1.824.768
пряности	96.804	157.574
антиквариат	10.741	34.314

¹ без учёта «челночной торговли».

Таблица 3.8

Импорт США в Турцию

Товары	За 2006 год (\$)	За 2007 год (\$)
бытовая техника	596.087.874	765.913.562
продукты химической промышленности	278.737.530	346.148.780
минеральные вещества	148.717.689	297.224.308
Оружия	27.649.075	47.296.036
драгоценные камни	44.207.936	27.918.451
Мебель	12.455.830	19.266.297
канцелярские товары	9.992.173	11.654.288
молочные продукты	3.298.428	2.732.904
Керамика	2.233.836	2.088.938
музыкальные инструменты	800.145	1.053.865
Сахар	234.761	840.330
алкогольные напитки	3.335.811	673.705
Кофе	166.113	327.866
Какао	797.390	349.804
Составлена по материалам: http://www.foreigntrade.gov.tr .-Сайт Министерства торговли Турции; см. также: http://www.atonet.org/tr/yeni/index.php?p=1140&i=1		

Прогресс в турецко-американских экономических связях можно проследить и в таблице 3.8, отражающей общий объём двусторонней торговли. Общий объём турецко-американской торговли вырос с 3.168.242.129 долларов в 1991 году до 10.192.755.260 долларов в 2005 году, т.е., почти в 3 раза.

Торговля между Турцией и Соединёнными Штатами Америки за 1991-2007 г.г. реализовывалась на основе следующих двусторонних соглашений и договоров:

1. Соглашение об инвестициях (6 июня 1991 года);
2. Соглашение о научно-техническом сотрудничестве (14 июня 1994 года);
3. Так называемое соглашение «Global Learning and Observations to Benefit the Environment» (5 мая 1995 года);
4. Соглашение о сотрудничестве в области таможенной политики (28 марта 1996 года);
5. Соглашение о турецко-американской совместной комиссии экономического сотрудничества (27 декабря 1996 года);
6. Соглашение о развитии двусторонней торговли и инвестиционного сотрудничества (29 сентября 1999 года);

7. Совместное Коммюнике Двустороннего Экономического Комитета (24 марта 2000 года, Вашингтон);
8. Совместное Коммюнике Торгового и Экономического Совета (12 июля 2001 года, Анкара);
9. Соглашение о создании турецко-американского Делового Совета (26-27 февраля 2002 года);
10. Двусторонние договорённости в ходе конференции турецко-американского Делового Совета (16-19 марта 2003 года);¹
11. Совместное Коммюнике Двустороннего Торгового и Экономического Совета (23-24 января 2006 года).

Среди этих соглашений и договорённостей имеются стратегически важные, которые влияют на политические отношения между двумя государствами. Например, в 2000 году Турция подписала с США договор «О сотрудничестве в вопросе использования атомной энергетики в мирных целях». Считается, что этот договор позволит Турции получать помощь из США по вопросам подготовки кадров, приобретению технологий, а также проведению совместных исследований в области изучения мирного атома. Договор также содержит ряд различных ограничений по вопросу приобретения в США обогащённого урана. Отмечается, что передаче Турции категорически не подлежат специфические технологии, а атомная энергетическая программа не будет использована страной в военных целях.²

Таблица 3.9

Торговля Турции с США (1991-2005 г.г.)

год	импорт (долл.)	экспорт (долл.)	сальдо торгового баланса Турции (долл.)	общий объём торговли (долл.)
1991	2.255.366.570	912.875.559	-1.342.491.011	3.168.242.129
1992	2.600.247.084	865.111.093	-1.735.135.991	3.465.358.177
1993	3.350.728.082	986.121.594	-2.364.606.488	4.336.849.676
1994	2.429.454.490	1.520.020.385	-909.434.105	3.949.474.875
1995	3.723.983.057	1.513.918.029	-2.210.065.028	5.237.901.086
1996	3.515.963.223	1.639.015.515	-1.876.947.708	5.154.978.738
1997	4.329.640.162	2.032.275.955	-2.297.364.207	6.361.916.117
1998	4.053.750.314	2.233.347.445	-1.820.402.869	6.287.097.759
1999	3.080.266.969	2.436.657.768	-643.609.201	5.516.924.737
2000	3.911.022.336	3.315.162.593	-775.859.743	7.046.184.929

¹ Несмотря на кризис в Ираке, на этой конференции приняло участие около 1 тыс. американских бизнесменов (в 2002 году в таком мероприятии участвовало в среднем 1,5 тыс. человек).

² Этот договор правительство Турции утвердило только в 2006 году.

год	импорт (долл.)	экспорт (долл.)	сальдо торгового баланса Турции (долл.)	общий объём торговли (долл.)
2001	3.261.298.354	3.125.770.972	-135.527.382	6.387.069.326
2002	3.099.099.259	3.356.125.706	257.026.447	6.455.224.965
2003	3.495.770.394	3.751.551.504	255.781.110	7.247.321.898
2004	4.745.194.567	4.860.040.835	114.846.268	9.605.235.402
2005	5.315.647.337.	4.877.107.923	-438.539.414	10.192.755.260

В связи с вопросом сотрудничества в области ядерных программ, можно отметить и сдвиги последних лет: например, в 2006 году США решили помочь Турции в строительстве восьми ядерных реакторов: 9 февраля 2006 года в Вашингтоне состоялась встреча министра энергетики и природных ресурсов Турции Х.Гюлера и его американского коллеги С.Бодмана. Они обсудили возможное сотрудничество, после чего посетили американскую АЭС. Как заявил на этой встрече Х.Гюлер, резкое повышение цен на нефть вынудило Турцию задуматься о необходимости расширить круг источников энергии. Кроме развития атомной энергетики Турция планирует построить новые гидроэлектростанции, приватизировать угледобычу и расширить сеть нефтепроводов. Для разработки нефтяных месторождений были намечены привлечь компании Exxon Mobil, Shevron Texaco и BP.

Надо отметить, что спрос на электроэнергию в Турции постоянно растёт: только за 2005 год потребление увеличилось на 8%. В 2006-2007 гг. суммарная мощность имеющихся в стране электростанций составляла около 28,3 мегаватт, из которых 16,6 мегаватт производится ТЭЦ, а 11,7 – гидроэлектростанциями. Атомные реакторы, с которыми Соединённые Штаты Америки помогут Турции, увеличат установленные мощности на 5 мегаватт.

Турецко - американские экономическое сотрудничество в области эксплуатации энергоносителей за последние 10 лет заметно расширилось на территориях стратегически важных регионов планеты. Так, с 1995 года правительство США предоставило большую поддержку проекту турецкого маршрута транспортировки каспийских нефте- и газовых ресурсов, что было необходимостью обеспечения региональной безопасности, экономической независимости и развития торговли, а также имело огромное значение для турецко-американских отношений. Турция, со своей стороны, намеревается стать важным элементом Евразийского Энергетического Корпуса (ЕЕС – European Economic Corridor), создание которого поддерживают США. Вот почему, и Турция, и Соединённые Штаты Америки уделяли большое внимание проекту основного экспортного трубопровода Баку – Тбилиси – Джейхан и экспорту азербайджанского газа по маршруту Баку-Тбилиси-Эрзерум, как составным частям ЕЕС.

Мы уже писали о начальном периоде реализации проекта Баку-Тбилиси-Джейхан, что касается её роли в развитии турецко-американских экономических

связей, то в первую очередь надо отметить, что этот проект, а также проект Баку – Тбилиси – Эрзерум сопровождался для Турции некоторыми трудностями. Дело в том, что беспрецедентный спад турецкой экономики привёл в конце 90-х г.г. прошлого столетия к падению спроса на энергоносители и, как следствие вызвал сомнение в способности Турции закупать газ с месторождения «Шах-Дениз».

Как считали американские аналитики, своими энергетическими проблемами Турция была обязана коалиции партий «Догру Йол» («Верный Путь») и «Ана Вэтэн» («Родина»), возникшей в 1996 году, представители которой занимали в 6 последующих лет руководящие позиции в министерстве энергетики. Именно в эти годы возникла фактическая зависимость Турции от поставок газа из России, предусматривающая реализацию проекта «Голубой поток», хотя Анкара и продолжала оставаться стратегическим партнёром США, Азербайджана и Грузии в реализации Евразийского Экономического Коридора.¹

Между тем Турция смогла вновь продемонстрировать свою значимость как влиятельного игрока на региональной политической сцене. Подтверждением этого является официальное открытие 13 июля 2006 года в Турции нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан, азербайджанская сторона которого открылась ещё в мае 2005 года. Этот проект называют также «Шёлковым путём XXI века». Его общая протяжённость составляет 1774 километра. Самый длинный участок трубопровода в 1074 километра проходит по территории Турции; 440 километров – по территории Азербайджана и 260 километров проложены по территории Грузии. Турция, инвестируя в строительство своего участка 1,3 млрд. долларов, будет ежегодно получать только за транзит по своей территории 250-300 млн. долларов.

По словам турецкого политолога Фатиха Аслана, открытие нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан «полностью меняет геополитическую ситуацию в регионе», «в ближайшие годы с участием иностранных компаний в Турции построят ряд терминалов и трубопроводов». Политолог считает, что Турция в будущем превратится «в важнейший энергетический транзитный узел транспортировки углеводородов в Европу». Турция станет «одним из ключевых игроков в Центральной Азии, а Грузия и Азербайджан стремятся укрепить свою энергетическую независимость от России»,² продолжает Ф.Аслан.

Отметим, что стоимость реализации проекта Баку – Тбилиси – Джейхан в целом составляет 4 млрд. долларов. Пропускная способность трубопровода – 50 млн. тонн нефти в год, что позволяет ежедневно перекачивать по трубе 1 млн. баррелей нефти.

С вводом проекта Баку-Тбилиси-Джейхан в эксплуатацию США решили глав-

¹ Любопытно, что тогдашний президент Туркменистана С.Ниязов незадолго до отставки министра энергетики Турции Дж. Эрсумера, вызванной эхом расследования коррупции в сфере энергетики, обвинил последнего в том, что именно он виноват в крахе Транскаспийского проекта экспорта туркменского газа через Азербайджан и Грузию в Турцию.

² Как известно, Москва неоднократно подвергала сомнению целесообразность строительства трубопровода Баку-Тбилиси-Джейхан, предлагая свои ресурсы для доставки каспийской нефти на мировой рынок. С точки зрения российских экспертов, у Азербайджана якобы нет достаточных запасов нефти для его заполнения; гораздо выгоднее было присоединить трубопровод к действующему нефтепроводу в Казахстане, который пройдёт далее через Российскую территорию на Запад.

ную политическую задачу по созданию альтернативного, в обход территории России, канала транспортировки нефти из каспийского региона, что позволяет снизить зависимость ряда добывающих стран региона от Москвы.

Общие извлекаемые запасы нефти месторождений Азери-Чыраг – Гюнешли оценены специалистами в 890 млн. тонн. Их добыча будет вестись до 2024 года.

В вопросах безопасности трубопровода Баку-Тбилиси-Джейхан наиболее проблемным моментом с этой точки зрения являются грузинский участок трубопровода. Противостояние Тбилиси с отдельными субъектами республики очень опасно для проекта. Определённые хлопоты в области безопасности для трубопровода на турецком участке могут доставить и боевики РПК, хотя они понимают, что теракт в отношении Баку – Тбилиси – Джейхан может стать «последней каплей», которая переполнит «чашу терпения» не только Анкары, но и главное Вашингтона.

Анкара с пуском трубопровода Баку-Тбилиси-Джейхан решила свою основную стратегическую задачу – сделала ещё один важный шаг по пути «превращения Турции в важнейшую транзитную и распределяющую нефтепродукты страну». Джейхан становится одним из самых важных нефтяных портов в мире, значит, что возрастает стратегическая значимость Турции в мировом сообществе, будут расти капиталовложения в энергетический рынок страны, который, по подсчётам специалистов, в ближайшие 25 лет «переварит» 130 млрд. долларов иностранных инвестиций. Этот прогноз уже подтвердился в 2005-2006 г.г. Так, с 1993 по 2003 г.г. объём иностранного капитала на турецком рынке находился на уровне 1,1 млрд. долларов. В 2005 году объём иностранных инвестиций в турецкую экономику составил уже 9,7 млрд. долларов.

После удачного открытия трубопровода Баку-Тбилиси-Джейхан, настал очередь и газопровода Баку – Тбилиси – Эрзерум, проект которого настойчиво лоббировал Вашингтон. США придавали большое значение реализации проекта.

Подготовительные работы по открытию газопровода Баку – Тбилиси – Эрзерум были полностью завершены к началу 2007 года. Официальное открытие произошло 25 марта 2007 года, на церемонии открытия газопровода приняли участие президенты Азербайджана, Грузии и Турции. Первый поток газа по Баку – Тбилиси – Эрзерум был пущен 13 декабря, а до Грузии газ с азербайджанского месторождения Шах-Дениз дошёл 15 декабря.

Протяжённость трубопровода Баку – Тбилиси – Эрзерум составляет 970 км (442 км в Азербайджане, 248 км в Грузии и 280 км от грузино-турецкой границы до Эрзерума). Участниками этого проекта являются: британская BP -25,5%, норвежская Statoil - 25,5%, российско-итальянская LUKA gir - 10%, французская Total - 10%, SOCAR - 10 %, иранская VICO - 10% , турецкая TRAO - 9%. Таким образом, этот проект разрабатывался ведущими мировыми нефтегазовыми компаниями при активном участии Турции, не скрывающей стремления сместить геополитические акценты поставок газа на рынок Европы. Понятно, что Турция стремится позиционировать себя в качестве «энергетического моста между Востоком и Западом», стремясь при разработке газовых и нефтяных проектов учесть не только внутренний

спрос, но и избыточные объёмы поставок для последующего транзита в Европу. Уже сегодня развитая сеть нефте - (2300 км) и газопроводов (4700 км) покрывает турецкую территорию, а реализация перспективных трубопроводных проектов расширит её до 3400 км и 7700 км соответственно.

Продолжением этой стратегии можно считать развитие турецко-американского альянса на нефтегазовых месторождениях Туркмении. Турецкая компания «Чалык Энерджи» и американская «Паркер Дриллинг» в партнёрстве с государственным концерном «Туркменнефть» в 2005 году завершили строительство двух скважин. В процессе опробования колодцев получены были промышленные притоки углеводородного сырья. Проект, направленный на повышение эффективности разработки нефтегазовых месторождений за счёт увеличения объёмов поисковоразведочного и эксплуатационного бурения, стартовал на западе Туркмении ещё в 2003 году. В его рамках госконцерн «Туркменнефть» и «Чалык Энерджи» заключили контракт стоимостью в 240 млн. долларов на выполнение сервисных услуг по бурению скважин. Основным субподрядчиком проекта выступила компания «Паркер Дриллинг Интернейшнл Инк» (США), в задачу которой входило техническое и обеспечение строительства новых источников углеводородного сырья мощными буревыми установками и материалами. В соответствии с намеченной программой, турецко-американский альянс к концу 2005 года сдал в эксплуатацию 7 газовых скважин на месторождении Корпедже и 6 нефтяных скважин на Акпатлавуке. В 2006 году, продолжая разбуривать Акпатлавуку, «Чалык Энерджи» и «Паркер Дриллинг» расширили географию партнёрства, подключившись к освоению природных ресурсов новых перспективных структур на юге Туркмении. Скважина проектной глубиной 3600 м заложена на площади Южный Йолатань.

Подводя итог вопросу экономического сотрудничества Турции и Соединенных Штатов Америки, отметим, что конец XX – начало XXI столетия ознаменовано активизацией процессов глобализации во всех сферах мировой экономики. Глобализация экономических отношений, под которой понимается процесс формирования единого мирового экономического пространства посредством трансграничного движения мобильных финансовых средств на базе использования новейших технологий и охвата всё большего количества стран, - привлекающий огромное внимание процесс, столь же стремительный и всеобъемлющий, сколь противоречивый и чреватый конфликтами. Очевиден и тот факт, что глобализация затрагивает все аспекты социально-экономической жизни практически всех стран мира и что этот процесс объективен и необратим.

По мере углубления процессов глобализации на передний план выдвигаются всё более конкретные задачи. В условиях глобализации и становления «новой экономики» в Турции были выдвинуты в качестве стратегических такие цели экономического развития, как создание современных отраслей экономики и расширение международных инвестиционных связей, в том числе – с давним партнёром, то есть, с США. Такая экономическая стратегия повышает статус Турции и обуславливает её включение в решение глобальных проблем (и не только экономического характера) на правах активного участника, а не пассивного реципиента иностранной помощи.

Именно этой же стратегии подчинена энергетическая политика Турции на современном этапе развития. Турция, превратившаяся в крупнейший пункт транзита энергоресурсов из Каспийского региона в Европу, сегодня заинтересована в том, чтобы укрепить свои транзитные позиции и стать полноценным (и даже монопольным) региональным энергетическим коридором не только между Востоком и Западом, но и между Севером и Югом.

Таким образом, новые экономические проекты могут стать новым импульсом традиционных союзнических отношений между Турцией и Соединёнными Штатами Америки, которые придают двусторонним экономическим отношениям более прагматичное направление развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги вопросам развития турецко-американских отношений в 90-ые г.г. XX и в начале XXI веков, можно выделить основные элементы турецко-американских отношений. Соединенные Штаты Америки в современном мире являются единственной сверхдержавой, обладая лидерством в области вооружений, экономических показателей, развития технологий и распространения притягательной массовой культуры – основных компонентов, составляющих понятие силы государства.

Масштабы и влияние США как мировой державы сегодня уникальны. Это позволяет говорить о реализации государством внешнеполитической стратегии в планетарном масштабе. Одним из элементов в американском механизме глобального влияния является система построения союзнических отношений с государствами – контрагентами в различных регионах мира. В современном мире Ближний и Средний Восток,¹ как источник углеводородных ресурсов и Восточное Средиземноморье как путь их транспортировки, имеют стратегическое значение для наиболее развитых экономик мира. Этот факт ставит в зависимость экономические системы западных государств от стабильности в указанном регионе. Здесь опасные международные очаги напряженности: (турецко-сирийский, ирано-иракский, греко-турецкий, война в Ираке, Афганистане, палестино-израильский конфликт). Несмотря на то, что в регионе отсутствует стабильность, последним и решающим арбитром в них является американская мощь. Турецкая Республика является претендентом на роль регионального лидера на Ближнем и Среднем Востоке и служит опорным пунктом для американской внешней политики. Современный статус Турции позволяет стабилизировать черноморской регион, контролировать доступ из него в Средиземноморье, уравнивать Россию на Кавказе и Балканском полуострове и оставаться при этом южным якорем НАТО.

Внешнеполитическая стратегия США в отношении Турции включила в себя комбинацию военных и невоенных факторов, которые мы рассмотрели в соответствующих главах. Эти факторы состоят из: геостратегического местоположения, исторической и культурной особенностей (светское, тюркское, мусульманское, западноориентированное государство). Все эти элементы, в свою очередь, многослойны и включают дополнительные компоненты, где должны учитываться международная безопасность в регионе и вне его, а именно военное участие США в Ираке и Афганистане.

Также компонентами стратегических интересов США являются энергетическая безопасность, диверсификация поставок вне Персидского залива, поощрение строительства транскаспийских трубопроводов и соединение центральноазиатского региона с Кавказом, далее с Европой через территорию Турции, что способствует энергетической безопасности Запада.

В то же время, за последние десятилетия возникли крупные противоречия меж-

¹ Обширный регион на стыке Азии, Африки и Европы, включающий также акватории Средиземного и Красного морей, а также Персидского залива.

ду Анкарой и Вашингтоном. Именно обострившиеся проблемы между Турцией и США привели к ослаблению этого единства. В событиях последних лет аналитики видят яркие проявления кризиса атлантической стратегии Турции. Несмотря на то, что после терактов 11 сентября 2001 года Турция участвовала в единодушной демонстрации солидарности с США и отправила значительный военный контингент в Афганистан, турецко-американская гармония продержалась недолго, яблоком раздора стал ввод американских войск в Ирак.

Другой помехой для развития турецко-американских отношений была проблема курдов, которая традиционно считается наиболее серьезной угрозой для Турции. Несмотря на неоднократные заверения со стороны США сохранить территориальную целостность Ирака, Турция сочла поддержку американцами курдской автономии в Северном Ираке имплицитным одобрением независимого курдского государства. Летом 2006 года это привело к кризису между Анкарой и Вашингтоном, когда, действия РПК на территории Ирака, привели к потерям со стороны Турции и США, поэтому Соединённым Штатам Америки пришлось немедленно изменить свою политику в отношении РПК.

Проблемой для турецко-американских отношений стал также вопрос о членстве Турции в ЕС. События 11 сентября 2001 года имели противоречивые последствия для решения и этой проблемы. С одной стороны, это предоставило новые аргументы тем, кто считал вступление Турции в состав Евросоюза лучшим способом укрепления демократии в исламском государстве. В борьбе против террора жизненно важно опираться на стабильную светскую мусульманскую демократию. С другой стороны, терроризм давал пищу опасениям тем, кто считал мусульман источником потенциальной опасности и в связи с этим выступал против дальнейшей мусульманской иммиграции и приёма в ЕС, которая вплоть до середины столетия будет оставаться лидером Евросоюза по численности населения.

Наконец, в круг продолжающихся турецко-американских противоречий входит вопрос принятия подкомитетом Палаты представителей США признающей «геноцид армян» резолюцию №106. Это акт негативно отразился на доверии друг к другу Анкары и Вашингтона. Противоречия между Соединёнными Штатами Америки и Турцией более не носят ситуационного характера и сильно влияют на турецкую политику.

После разрешения конфликта между Востоком и Западом Турция сохранила своё стратегическое значение для США. Турция, благодаря её прочным историческим, культурным, этническим и языковым связям с государствами Кавказа и Центральной Азии, является стабилизирующим фактором в новой системе международных отношений. Анкара стала одним из важных игроков на Ближнем Востоке, особенно после «ограниченной операции» по ликвидации боевиков Рабочей Партии Курдистана.

Необходимо отметить, что в Турции и в США, понимают чрезвычайную важность двусторонних отношений не только для национальных интересов двух стран, но и с точки зрения их региональной и глобальной значимости. Помимо того, что

США являются основным экономическим и торговым партнёром Турции, это государство имеет огромное влияние на внешнеполитическую стратегию Анкары. Анкара, в свою очередь, может стать самым удачным союзником и посредником для Соединённых Штатов Америки в плане создания американо-азиатского альянса против евразийства (т.н. «российско-европейского союза»). Таким образом, США и Турция почти одинаково зависимы в геополитическом отношении друг от друга. Тем более, что события в Ираке показали возможность Турции ставить свои интересы выше партнёрства и союза с любой страной, а не идти на поводу у сверхдержав. В этом смысле новые инициативы, проявившиеся в последние годы в турецкой внешней политике, несомненно закономерны, однако основным выводом из этого должно быть то, что вряд ли эти инициативы являются краткосрочными, так как они касаются основных направлений турецкой политики и содержат элементы системных изменений. С другой стороны, в пользу основательности изменений, происходящих в турецкой политике, говорят подвижки во внутренней жизни Турции.

Проделанный анализ свидетельствует о том, что политика Турции оказывает всёвозрастающее влияние на стратегию США на обширном евразийском пространстве. В этой связи представляется, что именно от того насколько глубоко и адекватно Соединённые Штаты Америки оценивают и будут оценивать присутствие Турции в регионе, как гибко и в каком направлении осуществлять свою линию, во многом будет зависеть характер процессов в Евразии, а также, собственно роль США в формирующемся новом мировом порядке. Именно тогда широко афишируемое международное лидерство Соединённых Штатов Америки превратится в объективно долгосрочную реальность, стержневой фактор, определяющий облик международных отношений XXI столетия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. «Бики», №80, 19.07.2001
2. «Бики», №123, 25.10.2001
3. «Бики», №124, 27.10.2001
4. «Зеркало», 05.11.2002
5. «Коринор», №31, 2002
6. «Известия», 11.04.2003
7. «Известия», 30.04.2004
8. «Неделя», 02.02.2007
9. «Неделя», 19.10.2007
- 10.«Эхо», 15.03.2003
- 11.Avrasya dosyası. İsrail Özel. İlkbahar, 1999, cild 5, sayı 1
- 12.Avrasya dosyası. ABD Özel. 2000, cild 6, sayı 2
- 13.«Cumhuriyyet», 05.04.2001
- 14.«Cumhuriyyet», 17.01.2002
- 15.«Cumhuriyyet», 19.07.2003
- 16.«Cumhuriyyet», 7.03.2004
- 17.İktisadi Rapor. Ankara, 1997
- 18.İktisadi Rapor. Ankara, 2004
- 19.Stratejik Analiz. Şubat, 2003, cild 3, sayı 34
- 20.Stratejik Analiz. Nisan, 2003, cild 3, sayı 36
- 21.«Sabah», 24.07.2003
- 22.«Zaman», 20.10.1999
- 23.«Zaman Daily», 13.08.2003
- 24.Economic Dialogue. Turkey. IMF- World Bank. Special Issue. September 1993
- 25.Economic Dialogue. Turkey. IMF- World Bank. Special Issue. December 2004
- 26.«New York Times», 17.11.1991
- 27.«New York Times», 23.01.1992
- 28.«New York Times», 07.08.1995
- 29.«The Washington Post», 17.10 2007
- 30.«The Financial Times», 23.09.1995

- 31.«The Financial Times», 26.05.2005
- 32.Turkey. A Country Study. Washington, Library of Congress
- 33.Turkey. Confidential. Winter 2007
- 34.Turkey Progress Report. November 1997
- 35.Turkish Review Quarterly Digest. Summer 1992
- 36.Turkish Review Quarterly Digest. Winter 1994
- 37.UNDP. Human Development Report on 2000
- 38.Abdullayev M. Azərbaycan-Türkiyə əlaqələri. Bakı, 1998
- 39.Abdullayev M. Beynəlxalq münasibətlər tarixi. XX əsr. II hissə. 1945-2000. Bakı, 2000
- 40.Azərbaycan-Türkiyə əlaqələri // Heydər Əliyev və Şərq. I kitab. Bakı, 2002
- 41.Əhmədov E. Ermənistanın Azərbaycana təcavüzü və beynəlxalq təşkilatlar. Bakı, 1998
- 42.Hacıyev S. ABŞ və Türkiyə münasibətlərində Rusiyanın rolu. Bakı, 2005
- 43.Hacıyev S. XX əsrin 70-80-ci illərdə Türkiyə diplomatlarına qarşı erməni terroru // "Tarix və onun problemləri," 2007, №3
- 44.Həsənov Ə. Müasir beynəlxalq münasibətlər və Azərbaycanın xarici siyasəti. Bakı, 2005
- 45.Məmmədov A. Beynəlxalq konfliktlər. Bakı, 2000
- 46.Nəsirov E. ABŞ və dünya 11 sentyabrdan sonra. Bakı, 2003
- 47.Qasımlı M. SSRİ-Türkiyə münasibətləri. II cild. 1979-1991. Bakı, 2009
- 48.Аббасов Ч. Экономика Азербайджана на путях глобализации: предпосылки и последствия. Баку, 2007
- 49.Актуальные проблемы современности и истории. Москва, 1998
- 50.Алиев И. Я верю в мой Азербайджан. Москва, 2007
- 51.Алиев Р. Каспийский регион и безопасность России // Азия и Африка сегодня, №7(492). Москва, 1998
- 52.Андрянов В., Мираламов Г. Гейдар Алиев. Жизнь замечательных людей. Москва, 2006
- 53.Бжезинский З. Великая шахматная доска. Москва, 1999
- 54.Барышев А. Современная стратегия США и НАТО (в контексте проблем национальной безопасности России), Москва, 2011
- 55.Ваисс М. Международные отношения после 1945 года. Москва, 2005
- 56.Гасанов А. Современные международные отношения и внешняя политика Азербайджана. Баку, 2007

57. Голубева Ю. Парадоксы турецкой экономики. // Рынок ценных бумаг. Москва, 2001, № 13
58. Грани глобализации: трудные вопросы современного развития. Москва, 2002
59. Гусейнова У. Азербайджан - США. Перспективы сотрудничества (90-е г.г. XX века). Баку, 2000
60. Гучанин М. Особенности торгово-экономических связей США и Турции (1945- конец 90-х г.г. XX в.)- Атореф. ... к.и.н. Москва, 2003
61. Гусейнова И. История народов Кавказа. Баку, 2006
62. Исмаил Дж. «Брак не по любви, а по расчёту». // Азия и Африка сегодня. №7 (552), 2003
63. Ирхин А. Внешнеполитическая стратегия США в отношении Турецкой Республики.- Автореф. ... кандидата политических наук. Киев, 2006
64. Косиков А. Военно-политический потенциал Турции // Востокведческий сборник. Выпуск 2, Москва, 2001
65. Моисеев П. Турция: от докапиталистических структур к товарно-рыночному хозяйству // Мусульманские страны у границ СНГ. Москва, 2001
66. Назимоглу Н. Нюансы противоракетной дипломатии. // Region plus, №21 (113), 1 ноября, 2010
67. Переслегин С. Самоучитель игры на мировой шахматной доске. Москва, 2005
68. Пелявина Д. Ограничение роли армии в политической жизни Турции после сентябрьского референдума 2010 года о внесении поправок в конституцию страны: итоги и возможные последствия // Турция после референдума 2010 года. Межвузовская студенческая конференция. Москва, 17 февраля 2011
69. Рустамов Ю. Роль США в системе международных отношений (заочный диалог с З.Бжезинским), Баку, 2005
70. Родионов А. Турция. Перекрёсток судеб (воспоминания посла), Москва, 2006
Савельева А. Турция - ЕС. Между Европой и Азией. // Азия и Африка сегодня, №7(552) 2003
71. Старченков Г. Турция: долгий путь в Евросоюз // Современная Европа. Москва, 2002, № 4
72. Современные международные отношения и мировая политика // под ред. Торкунова М. Москва, 2005
73. Севдималиев Р. Большой Ближний Восток – полигон политических преобразований XXI века // *Yaxın və Orta Şərq: dünəni, bu günü, sabahı beynəlxalq elmi konfransı*. Bakı, 2007-ci il, 24-25 oktyabr
74. Турция, Европа и бен Ладены. // Азия и Африка сегодня, №4 (549), 2003
75. Ульченко Н. Экономика Турции в условиях либерализации. Москва, 2002

76. Уразова Е. Некоторые особенности и перспективы социально-экономического и политического развития Турции // Мусульманские страны у границ СНГ. Москва, 2001
77. Уланов А. Реакция мирового сообщества на проведение референдума в Турции // Турция после референдума 2010 года. Межвузовская студенческая конференция. Москва, 17 февраля 2011
78. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. Москва, 2003
79. Юрков Е. Исламский фактор во внешней политике США. // США: экономика, политика, идеология. Москва, 1983, вып. 8
80. Юрченко С. Геостратегия США в процессе становления глобальной державы. - Автореф. ... доктора политических наук. Киев, 2001
81. Alan Makovski, Sabri Sayari. Türkiyenin yeni dünyası. Türk Dış Politikasının değişen dinamikleri. İstanbul, 2002
82. Mahir Kaymak. Büyük Ortadoğu projesi ve Türkiye üzerine stratejik analizler. İstanbul, 2005
83. Öğütücü Mehmet. Türkiyede yeni bir ekonomik ve ticari diplomasi stratejesine doğru.- TÜSİAB Yayınları. İstanbul, 1998
84. Suat İ. Türklerin jeopolitiği ve Avrasyacılık, 2005
85. Ümit.T. Türkiye ve Avrupa entegrasyonu. Ankara, 1995
86. Aydın M. New Geopolitics of Central Asia and the Caucasus. Causes of Instability and Predicament. Ankara, Center for Strategic Research, 2000
87. Duik N., Karatnycky A. New Nations Rising: The Fall York: John Wiley, 1993
88. Graham E., Fuller Ian O. Lessor. Turkey's New Geopolitics from Balkans to Western China. San Fransisco, Oxford, 1993
89. Haktanir K. Developments in Central Asia and Turkish- Iranian Relations // Middle East Business and Banking, June, 1992
90. Henze P. Turkey: Toward the Twenty-First Century. Santa Monica: Rand Corporation, 1992
91. Sayari S. Turkey: The Changing European Security Environment and the Gulf Crisis // Middle East Journal, winter 1992, vol. 46
92. Simsir B. Turkey's Relations with Central Asian. Turkic Republics // Turkish Review Quarterly Digest, summer 1992, vol. 6, № 28
93. The New International Relations: Theory and Practice. M. Smouts (ed.). New York, 2001
94. www.spk.gov.tr
95. www.foreigntrade.gov.tr
96. www.worldbank.org

97. www.pwgs.org
98. www.day.az
99. www.milli_qazete.com.tr
100. www.akparti.org.tr
101. <http://www.deik.org.tr>
102. <http://www.econturk.org>
103. <http://www.carnegie.ru>
104. <http://www.rand.org>
105. <http://www.nato.int/home.htm>
106. <http://www.europa.eu.int>
107. <http://www.turtsia.ru/rus/index/news?id=400/>
108. <http://www.zarubejye.com/arhiv/kapak/ar2/arhiv2c.htm>
109. http://www.ca-c.org/c-q/2006journal_rus/c-q-1/06.aidinru.shtmb
110. <http://www.yartpp.ru/ved-turkey.htm>
111. http://www.vpk-news.ru/article.asp?pr-siqn=archive.2005./05.articles.conceptions_01
112. http://www.russiancyprus.net/main.asp?to_pid=4200&id=840
113. http://www.polit.ru/analitics/2007/01/05/tur_iran.html
114. http://www.adc.org/press/2001/25_september_2001.htm
115. http://www.russian.people.com.cn/200304/03/rus20030403_73952.html
116. <http://www.reqionplus.az/artic/46/polit/p1.php>
117. <http://www.atomet.org/tr/yeni.php?p=1140&i=1>
118. <http://www.iimes.ru/rus/start/2006/02-08-06c.htm>
119. <http://www.iimes.ru/rus/start/2007/06-03-07b.htm>
120. http://www.rusnauka.com/12.APSN_2007/Econimics/20730.doc.htm
121. <http://www.ru.journal-neo.com/node/375>
122. http://www.ved.gov.ru/exportcountries/tr/about_tr/ved_tr/
123. http://www.ved.gov.ru/exportcountries/tr/about_tr/eco_tr/
124. <http://protown.ru/information/hide/3720.html>
http://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/EVROPESKI_SOYUZ_ES.html
125. http://ceusr.sfedu.ru/files/monografii/1Borko_Butorina_Istoriya_ES.pdf
126. http://www.ved.gov.ru/exportcountries/tr/about_tr/laws_ved_tr/customs_tariff_tr

127. <http://russian.eurasianet.org/node/60162>
128. <http://newsland.com/news/detail/id/767950/>
129. <http://imperiya.by/news.html?id=120907>
130. <http://inosmi.ru/world/20121114/202140122.html>-Экономика Турции в условиях глобального экономического кризиса (Аналитический доклад) Гриняев С.
131. <http://www.ereport.ru/stat.php?razdel=country&count=turkey&table=execia>

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААС** - «Азия и Африка сегодня»
- ВВП** - Всеобщий валовой продукт
- ВВС** - Военно-воздушные силы
- ВВТ** – Вооружения и военная техника
- ВИ** - «Вопросы истории»
- ВНП** - Всеобщий национальный продукт
- ВНСТ** - Великое Национальное Собрание Турции
- ВС** - Вооружённые силы
- ВТС** – Военно-техническое сотрудничество
- ВУС Ирака** - Временный Управленческий Совет Ирака
- ДПК** - Демократическая Партия Курдистана
- ЕЭК** - Евразийский Энергетический Коридор
- ЕС** - Европейский Союз
- ЕЭС** - Европейский Экономический Союз
- ИРИ** – Исламская Республика Иран
- КНР** – Китайская Народная Республика
- МИД** - Министерство иностранных дел
- НАТО** - Организация Североатлантического Договора (North Atlantic Treaty Organization)
- ПСК** - Патриотический Союз Курдистана
- ПСР** - Партия Справедливости и Развития (Adalet ve Kalkınma Partisi)
- РПК** - Рабочая Партия Курдистана
- РФ** – Российская Федерация
- СЕ** - Совет Европы
- СМИ** - Средства массовой информации
- СНГ** - Содружество Независимых государств
- СПК** - Социалистическая Партия Курдистана
- СССР** – Союз Советских Социалистических Республик
- США** - Соединённые Штаты Америки
- ФБР** - Федеральное Бюро Расследований
- ФНОК** - Фронт Национального Освобождения Курдистана

CSIS - Центр стратегических и международных исследований
YSF - «Единый Ударный истребитель»
OEF - «Операция Непокрушимой Свободы»
OIF - «Операция Иракская Свобода»
PFP - «Партнёрство Ради Мира»
ДПК- Демократическая партия Курдистана (лидер - Масуд Барзани)
ПСК- Патриотический Союз Курдистана (лидер - Джаляль Талабани)
ХАМАС- «Исламское движение сопротивления»
ХДС- Христианско-демократический союз Германии (лидер - Ангела Меркель)
ХСС- Христианско-социальный союз Германии